

Мария Юрьевна Мартова
Правдивые сказки

Мария Юрьевна Мартова

Правдивые сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624162

ISBN 9785449684059

Аннотация

Сказки вокруг нас. Их герои живут рядом с нами, они видят и слышат нас. Только мы часто проходим мимо, не замечая их. Как обидно! Верьте в сказки, ищите их, и они непременно откроют перед вами свой удивительный мир.

Содержание

Последний лист	5
Снежинка	41
Холодоша	53
Кораблик «Смелый»	111
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Правдивые сказки

Мария Юрьевна Мартова

© Мария Юрьевна Мартова, 2019

ISBN 978-5-4496-8405-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний лист (Осенний вальс)

*Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда
умру и я.
О. Генри*

Осень на дворе. Грустное время года. Но в этой грусти есть своя неуловимая прелесть, как в тихой печальной музыке. Музыка осени... Вы слышите ее?

Старый парк. Тихо и спокойно среди величавых вековых деревьев. Высокие березы и клены с робким шепотом покорно сбрасывают с себя золото и пурпур листьев. Те неторопливо опускаются вниз в чуткой трепетной прохладе осеннего воздуха. Их движения плавны и грациозны.

Листья кружатся и кружатся в бесконечном ритме старинного осеннего вальса.

– Раз! два-три... Раз! два-три...

Натанцевавшись, они в изнеможении ложатся на сонную увядшую траву, на деревянные скамейки, на узкую дорожку, усыпанную гравием. Дорожка идет вдаль от тяжелой чугунной ограды с аркой в самую гущу деревьев. Здесь, в глубине парка, она становится красивой широкой аллеей и заканчивается небольшой танцплощадкой. В центре – деревянная сцена в окружении ряда никем не занятых лавочек. На сце-

не за старым черным роялем сидит одинокий пианист. Он-то и играет невидимой публике чарующую мелодию осеннего листопада.

– Раз! два-три... Раз! два-три...

Музыкант так увлечен, что не замечает ничего вокруг: ни промозглого ветра, ни шороха осыпающейся листвы, ни равнодушного молчания безлюдного парка. А листья над ним все падают и падают, устилая пыльные подмости, поблекшую гладь рояля, черные и белые клавиши, тонущие в его руках. Он не смахивает листьев и продолжает играть. Его музыка о чем-то нежном и грустном, далеком и навсегда утраченном.

Однако осенняя грусть пленила не только его сердце. Рядом на площадке стоит еще один человек – дряхлый художник с кистью в руке. Перед ним мольберт. И все, что вокруг – и старый парк, и рояль, усыпанный листьями, и сама музыка вальса, – здесь, на его полотне. Он тоже увлечен, он торопится излить свои чувства, запечатлеть прощальный вздох уходящей осени, пока последний лист не покинул ветки дерева.

Возможно, это сама старость подгоняет несчастного живописца закончить работу. Уж слишком он немощен, но еще более некрасив и безобразен до уродства, будто в насмешку чья — то злая сила потешилась над его внешностью.

Желтое лицо старика страшно худое, испещрено глубокими морщинами и похоже на сушеную сливу. Узкий лоб стянут ветхой гармошкой. Дряблые щеки свисают вниз тряп-

ками, напоминая бульдожью морду. Давно небритое лицо с редкой седей щетиной похоже на кожу плохо ошипанного гуся. А жидкая облезлая бороденка вполне сошла бы за мочалку для чистки кастрюль. Но хуже всего нос, длинный, до самого подбородка, и утолщенный книзу, словно огромная капля, вот-вот готовая упасть.

И лишь пышные русые волосы да нежно-голубой цвет скорбных стариковских глаз, утопающих в бездне морщин, выдают в нем когда-то потерянную привлекательность.

В гармонии с лицом и остальной облик художника. Кажется, ему нет никакого дела до того, как он выглядит. Одет он в худой, выдавший виды полинялый костюм не то серого, не то пыльно-черного цвета. Потертые, отвисающие на коленках штаны плохо скрывают худобу дряблых ног. А памятный пиджачишко до того изношен и замусолен, что вполне может быть спутан с рабочей курткой портового грузчика. И, наконец, довершают этот жалкий портрет дырявые ботинки с оторванными подошвами, давно мечтающие о свалке.

Но художник ровно ничего не замечает. Уверенной рукой он кладет мазок за мазком, вдыхая в полотно аромат осенней печали.

Кто этот странный старик? Откуда взялась такая чудесная сила в этом уродливом теле? Где научился он так тонко подмечать красоту? Любил ли он кого-нибудь? Березы и клены, невольные свидетели его трудов, не знали ответа.

Вот замирает музыка вальса: музыкант закрывает рояль

и с грустью покидает сцену. День затихает, последние лучи заката прячутся за темными деревьями. Листья тоже прекращают свой головокружительный танец и, усталые, мирно засыпают на мягкой земле. Старик собирает кисти, краски, вот он двинется с места... Еще минута. Он все не уходит и стоит, глядя куда-то вдаль.

Но вот послышался легкий стук каблучков. В конце аллеи показалась стройная фигура девушки в лиловом плаще, стянутом тонким пояском. Она быстро приближается к площадке. Замечтавшийся художник по-прежнему остается во власти своих мыслей и не замечает незваной гостьи. И лишь деревья могли любоваться ею. А любоваться было чем!

Девушка была необыкновенно красива и совсем еще молода. Высокая, стройная, она, казалось, была создана для легкого воздушного танца. Тонкими были ее руки и пальцы, которыми она поправляла упрямый локон черных густых волос, спадающих на лицо. Лицо... Какое чудесное было оно! Будто точеное, с правильными изящными чертами, слегка поджатыми тонкими губами и огромными карими глазами. В бездонной глубине этих темных глаз, под длинными бархатными ресницами таилась тихая грусть и загадочная задумчивость. Неужели, и ее душа тоже страдала и о чем-то сожалела? Но разве могло быть иначе в этом охваченном печалью осеннем парке?

Проходя мимо картины, она на мгновение остановилась, мельком глянула на нее и задумалась еще больше, как буд-

то пейзаж что-то напомнил ей. Темные ресницы опустились, на лбу обозначилась глубокая складка. Она бросила взгляд на старика, взгляд пустой, ничего не значащий, и быстро пошла прочь, звонко цокая каблучками. А художник продолжал стоять, ничего не видя и не слыша, пока густой сумрак не окутал пространство.

Ночью, уже заснув, сквозь томившую дремоту листья вспомнили, что когда-то видели эту девушку в лиловом плаще. Но когда, с кем и при каких обстоятельствах?..

Стояли последние дни золотой осени. На прощанье солнцу захотелось снова блеснуть радостным светом своих не иссякших еще лучей, и оно щедро золотило листья в эти короткие октябрьские дни. Художник неизменно приходил сюда, вглядывался в меняющиеся очертания деревьев и кустов, слушал музыку пианиста и шорох листопада, продолжая неустанно рисовать. Буйство красок горело на его полотне, листья неистово кружились в вихре волнующего вальса. Кажется, картина давно закончена. Но автору все время чего-то недоставало. Он то и дело добавлял по каплям какой-нибудь штрих и все еще не находил удовлетворения от созданного.

Вдруг внезапное озарение нахлынуло на истерзанную душу художника. Он стал быстро и иступленно работать. И вот на полотне прибавилась одна замечательная деталь – пара, танцующая на сцене. Девушка и юноша кружились в вальсе среди падающих осенних листьев. Сама музыка, срываясь

с клавиш рояля, звучала на картине. Музыка осеннего вальса.

И это была та самая девушка в лиловом плаще, разглядывавшая когда-то картину. Безусловно, она, листья не могли ошибиться. Хотя на полотне она в другом наряде – в белоснежном бальном платье, перехваченном алым поясом. Все такая же красивая и чарующая. Непослушные волосы от быстрых движений развеваются, легкий румянец покрывает тонкую кожу щек.

Она глядит прямо в лицо партнеру и чего-то говорит: неслышимые слова будто слетают с приоткрытых губ. Говорит она, вероятно, о чем-то очень важном, потому что взгляд, несмотря на восторженный блеск, кажется взволнованным, тревожным.

Юноша под стать ей. Высокий и стройный, в строгом черном костюме, в лаковых туфлях, весь подтянутый и грациозный, он плавно ведет по кругу свою даму, поддерживая за талию. Все в нем – и стан, и широкие плечи, и золотистые вьющиеся волосы – говорит о замечательной красоте танцора. Однако об этом можно только догадываться, потому что, как ни странно, запечатлен он к зрителям спиной. Конечно же, так не создают портреты. В чем же тут загадка?

Может быть, сам юноша не желал быть увиденным или узнанным или же был так увлечен партнершей, что даже на миг не мог оторвать от нее взгляда, боясь пропустить что-то очень важное. Кажется, он пристально глядит ей в глаза

и страстно внимает ей.

О чем были слова девушки и кто этот загадочный незнакомец, деревья не знали. Тайну эту вместе со свернутым полотном унес с собой старый художник и больше уже ни разу не появлялся на аллеях парка.

Погожие дни больше не возвращались. Подули ветра, заморосили дожди. Опустела танцевальная площадка, рабочие вынесли рояль со сцены, и унылая тишина вступила в свои права.

Так все проходит. Жизнь заканчивается, и осень, и музыка, и танец. Последний кленовый лист, побуревший от холода и сырости, дрожа и плача, срывается с ветки. Ему уже не хватает сил удержаться на дереве. Он медленно, не кружась и не танцуя, падает вниз. Но наскакивает злой ветер, подхватывает беднягу и уносит в сторону. Безжизненный, он опускается на холодный камень дороги прямо к чьим-то ногам.

– Упал последний лист – пропала последняя надежда, – услышал над собой он грустный женский голос, показавшийся ему знакомым.

В этот момент теплая нежная рука подобрала его и поднесла к большим карим глазам, наполненным слезами. Это была та самая незнакомка с картины – то же лицо, глаза, тот же лиловый плащ... только очень много грусти во взгляде и скорби, а на голове – черный траурный платок.

– Все прошло. Все умерло. Теперь уже ничего не вернешь.

А помнишь, милый листочек, как все было?

Горячая слеза скатилась на влажную гладь листка. Он встрепенулся и вдруг вспомнил, все вспомнил! Это была та самая история, которую он так легко и безрассудно посмел забыть. Ах, как давно это было! Вопросы, мучившие его все эти дни, сами собой разрешились, и в памяти всплыли события далекого-далекого времени...

Это началось еще весной, в солнечном мае. Он был тогда совсем молодым и глупым клейким зеленым листочком и безмятежно радовался всему на свете: солнцу, ветерку, бестолковому щебету птиц в небе, разноцветным толпам людей на дороге. Ему тогда казалось, что так будет вечно, что всегда будет весна и счастье.

Было теплое солнечное воскресенье. Людей собралось особенно много. Листочек весело наблюдал за их праздной суетой. На земле, на зеленой лужайке, играли дети, их звонкий смех перекликался с щебетом птиц. На площадке толклись молодые люди. Они шептались друг с другом и переминались с ноги на ногу в ожидании танцев. Девушки в сторонке смущенно глядели на них и чему-то улыбались. А поодаль, под березами, стояли старики и с нежностью и тоской смотрели на молодых. Наверное, они вспоминали былые годы, и их тоже тянуло в круг, чтобы исполнить свой любимый танец.

Наконец на сцену церемонно поднялся пианист в черном фраке, со стопкой нот в руке. Людское море затихло, грянули

первые аккорды, и вечер танцев начался.

Легкая воздушная музыка полилась по воздуху, заставляя маленькие листочки трепетно колыхаться в такт волшебным звукам вальса.

– Раз! два-три... Раз! два-три...

Мелькали яркие женские платья, стучали звонкие каблукки, слышался радостный смех разогретых танцем людей. Листочек весело качался на волнах мелодии вальса, желая сорваться с дерева и влиться в общий круг.

«Ах, как я глуп был тогда!» – вздохнул он.

И тут листок увидел красивую одинокую девушку в лиловом плаще. Она прижималась к тому самому клену, на котором он рос, и чего-то ждала...

– Да, да! Это была я! – вскрикнула она. – Я тогда в первый раз пришла сюда, в парк. Я никого здесь не знала. И мне так хотелось потанцевать. Но никто не обращал на меня внимания. Мне стало грустно...

– И тогда к тебе подошел он... – перебил взволнованный листок. – Его ясные глаза глядели на тебя заморожено. Он, бедный, был так смущен, что не мог выговорить ни слова. Так и стояли вы в растерянности, пока кто-то не задел его плечом. Он вышел из оцепенения и, ничего не говоря, подхватил тебя, как перышко, и повел по кругу. О, это был волшебный танец! Вы лучше всех смотрелись на этом вечере. Это было как вчера. Вы, не отрываясь, глядели друг на друга. Ты утопала в голубом океане его глаз, он крепко прижимал

тебя к себе, будто боялся потерять свое сокровище.

Дальше листочек и девушка стали говорить наперебой, спеша поделиться охватившими их воспоминаниями. Так несколько дней подряд пара появлялась в этом парке. Оба подолгу разговаривали, сидя на скамейке, или гуляли по аллеям, неразрывно

держась за руки. Листочек взволнованно вздыхал, глядя на влюбленных, но тут же отвлекался, чтобы предаться радостному трепетанию в струях легкого весеннего ветерка.

Беспечна молодость! Только через некоторое время он вдруг обнаружил, что влюбленные не приходят больше под тень клена. И тут листок в первый раз в жизни забеспокоился.

Но какова была его радость, когда в один из душных летних вечеров он увидел в глубине парка их приближающиеся силуэты. Они медленно шли по дорожке прямо к нему. Листочек с волнением ждал. И как же он был разочарован, обнаружив, что девушка не та.

– Нет, нет, – поспешил объяснить листочек, – это была, конечно, ты. Но только... совсем другая.

Он умолк и задумался. Молчала и девушка.

В тот памятный вечер она, и впрямь, была непривычно холодна и даже надменна. А несчастный юноша все также пламенно глядел на нее, что-то страстно шепча. В его взгляде проскальзывало болезненное непонимание, отчаяние... Листочку стало нестерпимо жалко его. И вместе с юношей ему

страсть как захотелось знать, отчего же произошла эта перемена.

Наконец пара остановилась у подножия клена, на котором трепетал листок. Тот замер, затаив дыхание.

– Ты все выдумываешь. Я отношусь к тебе совершенно так же, как и раньше, – говорила девушка ровным голосом, глядя куда-то в сторону. – Почему ты мне не веришь?

– Я верю всему, что ты скажешь... – с жаром начал он и попытался обнять ее.

Она сдержанно отстранилась.

– Ты слишком увлечен мной. Мы так мало знакомы и вообще...

– Это все не то! – досадовал он. – Ты не могла, я знаю, забыть все, что было между нами. А я... Я просто люблю тебя! Мне так мало нужно. Лишь бы изредка видеть тебя хотя бы здесь, в парке. Только бы говорить с тобой о чем-нибудь. Только бы держать тебя за руку! Вот так...

Он взял ее маленькую тонкую руку в свою, бережно погладил, как котенка, и тихо-тихо поцеловал, а потом вдруг упал перед ней на колени.

– Проси, что хочешь. Я все для тебя исполню. Будь моей королевой!

Девушка слегка улыбнулась. Он с жадностью следил за ее взглядом, ловил каждое движение ее глаз. Она же, глядя на него сверху вниз, старалась сохранять строгий вид и уже собралась произнести какие-то серьезные слова, как вдруг

не удержалась и разразилась громким смехом. Бедный юноша был в полной растерянности. Увлеченный признанием, он не заметил даже, что вместо талии девушки крепко держал в своих руках ствол клена, боясь упустить драгоценную добычу. Поняв, в чем дело, он на минуту смутился, а потом сам захохотал от всей души. И долго они, глядя друг на друга, не могли удержаться от нахлынувшего смеха.

А листочек? Он, конечно, тоже смеялся и радовался вместе с ними.

– Так, значит, все будет по-старому? – шептал юноша, когда оба наконец утихли.

«Да!» – отвечали счастливые глаза девушки.

«Да!» – шуршали листочки на клене – очевидцы этого счастья.

– И вот тогда ты его о чем-то попросила... – стал припоминать листок.

– Да, я тогда позволила ему... то есть попросила нарисовать мой портрет. Но... но только... по памяти. Видишь ли, я не могла с ним много встречаться. На это у меня была причина.

– Какая же?

– Ах, как ты нетерпелив. Я тебе после расскажу. Так вот, я хотела, чтобы он нарисовал меня и чтобы я была... Ну, вообще, не такая, как в жизни, а... а еще лучше. Он же ведь художник. Понимаешь? Конечно же, он сразу согласился.

– И ты тогда еще добавила: «Пусть это дерево будет свиде-

телем нашего согласия!» – взволнованно добавил листочек.

– Да, я это сказала, а еще я пригласила его на свой день рождения в летнее кафе здесь, в парке. Он очень обрадовался и пообещал, что придет и принесет этот самый портрет в подарок.

– О, как он был счастлив! Как горели его глаза! Он схватил тебя на руки и стал кружить. А потом остановился, крепко обнял и поцеловал...

Девушка покраснела от этих слов. Она все это живо представила: его горячее дыхание совсем рядом, его губы и слетающее с них «Я люблю тебя»...

А листок... Листок тоже все помнил. Как же завидовал он тогда тому юноше. Как бы он сам хотел прикоснуться своей упругой гладью к ее алым губам, сказать ей те же нежные слова, раскрыть ей свое сердце. Но кто он такой? Всего лишь простой листок старого клена.

Девушка об этом даже не догадывалась. До того ли ей было? Она продолжала машинально держать дрожащий листочек в руке и задумчиво глядела на голое мокрое дерево.

– Да, я должна тебе все рассказать. Я же обещала, – опомнилась вдруг она. – Ты меня ведь совсем не знаешь. Не знаешь, как я жила, как меня воспитывали, о чем я мечтала. Слушай же!

И листок выслушал горькую исповедь молодой девушки, уже так много пережившей.

Она была единственным ребенком в семье, а потому лю-

бимым и избалованным. Ее родители (отец – профессор, мама – домохозяйка) были людьми глубоко порядочными. В их доме царила атмосфера высокой интеллигентности. Читались книги по истории, философии, слушались классические музыкальные произведения. Родители видели в ней будущую ученую даму, умную, деловую, обеспеченную. Для ее воспитания не жалели ничего. Педагоги и репетиторы с детства опекали ее. Наконец сбылась родительская мечта – их дочь стала студенткой. Но в тот же год случилось непредвиденное – внезапно от болезни умер отец. Мать очень растерялась. Она страшно боялась, что ее доченька сделает что-нибудь не так, и всеми силами оберегала ее покой и благополучие.

Вскоре это так наскучило девушке, что в один из теплых майских вечеров она, вопреки наставлениям матери, выбежала из дома и направилась в город наугад, куда-нибудь.

– И случайно я попала сюда, на танцы.

– И встретила его, – добавил листок.

– И встретила его, – повторила она и тяжело вздохнула.

Девушка снова надолго замолкла, а листок терпеливо ждал продолжения рассказа.

Итак, она влюбилась. Во всяком случае ей так казалось. Она была тогда еще совсем легкомысленна и беспечна. «Точно, как я,» – подумал листок. Все, ею желаемое, исполнялось. Ей же хотелось чего-то большего, чего-то необыкновенного.

А, встретив его, она нашла в нем отражение своей често-

любивой мечты. Только тонкая, возвышенная душа художника могла, по ее мнению, оценить по достоинству ее красоту, поклоняться ей самой, как божеству, покоряться силе ее обаяния. Она позволяла ему любить себя, а тот слепо и безумно отдавался своему чувству. И оба были счастливы.

Однако в ход событий вмешалась разыгравшаяся ревность матери. Мнительная женщина видела в увлечении дочери угрозу ее благополучию. Она находила тысячи причин, чтобы их разлучить: и что он бедный несостоявшийся художник, без имени, без связей, без денег, и что он не так образован, как ее дочь, и что он дурно может повлиять на нее, и что он, в конце концов, ей не пара.

Несчастливая девушка видела несправедливость этих упреков и пыталась возражать. Но болезненное самолюбие разволновавшейся матери достигло такого предела, что невольный крик отчаяния вырвался из ее груди и вылился потоком горьких слез. Женщина не в силах была говорить и только прерывисто всхлипывала.

– Мама, мамочка! – закричала испуганная дочь и тоже зарыдала вместе с ней. – Только не плачь, не надо. Я не хочу тебя мучить. Я все сделаю, как ты захочешь.

Ей вдруг стало ужасно жалко и мать, и себя, и бедного художника, и свою загубленную молодость.

– Ах, доченька... – сквозь рыданья говорила мать. – Я ведь тебе только добра желаю. Ты еще многого не понимаешь. Он ведь погубит тебя.

Девушка продолжала тихо плакать, молча соглашаясь с матерью. А потом как-то незаметно успокоилась и подумала, что и впрямь найдет себе более подходящего парня и что какой-то там художник вовсе не стоит этих слез. Единственное, что она твердо решила тогда, – это самой объясниться с ним и дать ему понять, что между ними все уже кончено. Ведь она считала себя вполне честной и порядочной. Но матери о своем намерении она умолчала.

– И после стольких дней разлуки ты пришла сюда к нему только лишь для того, чтобы сказать ему, что хотела с ним расстаться?

– Хотела... Хотела, но не смогла. Сказать не смогла и расстаться не захотела. Однако ты слишком любопытен.

– О, ничуть! Я лишь думал, что ты на самом деле была к нему безразлична.

– Я и сама была в этом уверена, – девушка опустила голову. – Потому-то и дала ему такое трудное задание – нарисовать мой необычный портрет. Я, честно говоря, сомневалась в его способностях. Но мне было даже приятно помучить его. А он так верил в свой талант, верил, что у него получится настоящее чудо. Я ему не мешала верить, а про себя думала, что это испытание расставит все на свои места. Трудная работа отрезвит его, а долгая разлука остудит любовный пыл. Как же я ошибалась тогда! Я и не могла предположить, что все так трагически закончится.

Девушка заплакала, Листочек не останавливал ее. Пусть

лучше она выплachtetся, и ей станет легче.

– А вчера... вчера умерла моя мама. Бедная мамочка... – губы девушки дрожали, слова застревали в горле. – Она так долго болела, так мучилась. Я все это время не отходила от нее. А вечером ей стало совсем плохо. Она почувствовала, что умирает и... И открыла мне тайну. Несчастливая моя мать, она так боялась, что я не смогу забыть своего возлюбленного и он целиком займет место в моем сердце. И тогда она решила навсегда разлучить нас и подговорила свою дальнюю родственницу (колдунью по призванию) заколдовать его. Та согласилась, и по ее заклинанию он должен был превратиться в старика, дряхлого и безобразного...

– О, да! – воскликнул листок. От возбуждения он чуть не сорвался с руки девушки. – Я все видел, я все слышал, я знаю, знаю об этом заговоре.

Глаза девушки расширились. Она перестала плакать. А листочек взволнованно продолжал...

Он вспомнил, как в тот знаменательный вечер он заметил в глуши парка две необычные фигуры. Это были пожилые женщины, одетые во все темное. У одной был черный платок на голове, а в руках сухая ветка сирени. Обе вели себя как-то странно. Вместо того, чтобы идти прямо по дороге, они зачем-то забегали за кусты, будто прятались или подстерегали кого-то. Листочек так увлекся новым поворотом событий, что не заметил, как вокруг неожиданно стемнело, тяжелые мрачные тучи стеснили небо, а в воздухе запахло надвигаю-

щейся грозой.

Меж тем женщины остановились у самого клена, с которого, замирая от волнения, глядел испуганный листок.

– Я так и знала, что она меня не слушает. Дерзкая девчонка! Опять вернулась к этому голодранцу-художнику. Вон ходят, как голубки, обнимаются. Так не бывать же этому, пока я жива!

Так говорила одна из них, ломая в сердцах руки. Другая же, что была в черном платке, смотрела исподлобья в сумрачную даль парка и чего-то монотонно нашептывала.

Листочку стало не по себе.

– Заколдуй его своими чарами, пошли на него порчу, болезнь, телесный изъян... что-нибудь. Верни мне мою дочь.

Старуха в платке продолжала невнятно шептать.

– Отныне и вовеки. Покуда живы черные силы. Покуда миром правит проклятье. Заклинаю!

И опять завораживающий шепот.

– Да что ты там бормочешь? Не томи же, говори! – досадовала подруга.

– Дочь твоя спасена будет. Страшное уродство, старость и близкую смерть ниспошлю я на его голову. И да не пройдет и одного дня и одной ночи, как исполнится пророчество мое!

В это время жуткий гром, подкравшийся вместе с тучами, разразился на все небо. Мрак охватил пространство. В черных глазах колдуньи сверкнули вспышки молний.

– И лишь одно препятствие может погубить заклятие. Это

не в моей власти. Есть силы выше...

– Ах! – прервала ее подруга. – Уйдем отсюда и побыстрее. Видишь, они сами бегут сюда.

И обе скрылись в ближайших кустах акации, так и не успев поведать дереву тайну заговора.

– Еле успели! – хором прокричали разгоряченные девушка с молодым человеком, едва ступив под крону клена.

В этот миг небывалый чудовищный ливень обрушился на воспаленную от зноя землю. Огромное небо превратилось вдруг в клокочущий черный океан, извергающий неистовые потоки воды. Все на земле – и деревья, и кусты, и травы – пригнуло под ее бешеным натиском. И началось буйство стихии.

Бедный листок на старом клене затрепетал, задрожал, заплакал, охваченный нахлынувшей страстью, и долго метался и не мог остановиться, повинуюсь неумолимым тактам симфонии дождя.

А влюбленные, упоенные друг другом, стоя под защитой дерева, будто не замечали разгулявшейся непогоды и даже не представляли, какая опасность угрожает их счастью. Как далеки они были от окружающего мира! А листочек рвался, рвался с ветки. Он так хотел им помочь, все им рассказать. Тогда еще можно было предотвратить это страшное злодеяние. Но сильна была его связь с деревом, а его слабый голос заглушался шумом неистового ливня.

– Да, – вздохнула девушка, – я ничего не видела и не слы-

шала тогда. Я была слепа и глуха ко всему. А теперь уже слишком поздно, к сожалению. Ничего уже не вернешь...

И листочек услышал от нее окончание этой таинственной истории, которую унесли когда-то прочь ее мать и старая колдунья. Заклятие потеряет силу лишь в том случае, если художник сможет нарисовать себя и свою возлюбленную да так, чтобы на одном и том же полотне она была молода и красива, а он стар и уродлив. И, самое важное, картина должна быть закончена до того, как последний лист упадет с этого дерева. Иначе красота и молодость к художнику уже не вернуться, и будет ждать его скорая смерть.

И вот сегодня с рассветом девушка поспешила сюда, на это скорбное место. И что же она увидела?.. Среди голых холодных деревьев стоит обездоленный клен, старый, одинокий, всеми забытый. Тяжелые дождевые капли слезами стекают по его глубоким морщинам, а тонкие зыбкие ветки беспомощно опускаются вниз под ударами ветра. И единственный уцелевший листок, дрожа от холода и страха, последним срывается с дерева.

– Все погибло, – грустит девушка. – я только тебе одному могу признаться во всем, милый листочек. Я многое поняла. Я была тогда так жестока. Нужна ли мне была его жертва?

Что ж, она получила ее, как и хотела. Точнее, получила свой заказ, точно выполненный и в нужный срок. Получила в свой день рожденья. Но при каких обстоятельствах! Только сейчас она поняла, почему ее портрет передал не он сам,

а какой-то старик, весь помятый, потерянный, брошенный...

Но теперь уже поздно, так поздно... Она горько наказана за свои предубеждения, за свою неприступную гордость. Ей стало ясно, что она обманулась. Но обманулась не в нем, а в себе.

– О, если бы он знал, что я совсем другая, знал бы, что я чувствую, что думаю про него. Вот если бы мне хоть на миг увидеть его, прижаться к его щеке... Пусть он стар и некрасив, но ведь в душе-то он не изменился.

Девушка на минуту замолкла. Ей вдруг захотелось представить, каким он стал, на кого похож. И тут внезапно в ней проснулось одно воспоминание. Ведь совсем недавно она приходила, терзаемая муками, сюда в надежде встретить его после долгой разлуки. Только на пустынных аллеях парка никого не было. Лишь какой-то дряхлый старик, весь в лохмотьях, что-то рисовал на холсте... Неужели это он? Она так ясно представила его себе, что невольно содрогнулась.

– О, боже!

Она едва не лишилась чувств, но устояла, собравшись с духом.

– И все же пусть даже таким как бы я хотела увидеть его, покаяться перед ним. Но где он? Что с ним? Я ведь даже адреса его не знаю.

Листочек тоже молчал. Он тоже не знал, где был сейчас этот бедный старый художник.

А тот по-прежнему жил на другом конце города, в глу-

хом грязном квартале, на пятом этаже серого дома с облупившейся штукатуркой. Здесь он снимал тесную комнатушку в большой шумной квартире, наполненной криками маленьких детей, звоном кастрюль и каждодневной руганью соседей.

Сюда он приехал несколько лет назад из другого города, спасаясь от тяжелой жизни в отцовском доме. Жизнь многочисленных домочадцев, среди которых он был старшим ребенком, держалась на вечном страхе перед главой семейства. Приходя усталым с работы домой, хозяин-тиран обычно напивался до одури и принимался придирааться ко всему в доме. Дети кидались врассыпную. Больше всех доставалось его жене, кроткой, безмолвной женщине, едва успевавшей разрываться в заботах по хозяйству. Нередко, битая мужем, она запрячется куда-нибудь в угол, чтобы никто не видел ее, и тихо плачется на судьбу. И не дай бог, чтобы кто-нибудь подошел к ней с жалостью – гнев отца был страшнее всего.

А еще доставалось старшему сыну – мечтательному художнику. Отца сильно раздражала в нем неизвестно откуда взявшаяся страсть к живописи.

– Разору! – орал он в неистовстве. – Все разорву! Кому эти мазилки нужны? На завод пойдешь. Работать будешь, работать...

И крепкий красный кулак приближался к лицу измученного юноши.

И однажды молодой человек понял, что больше не выдер-

жит этих угроз и унижений. Сев на поезд, он уехал раз и навсегда, уехал наугад, взяв билет до той станции, до которой просто хватило денег.

Он совершенно не думал, как будет жить один в чужом городе, без заработка, без поддержки, без жилья. Однако, сбросив с себя гнет прежней жизни, он был полон самых радостных видов на будущее. Глубоко убежденный, что его талант проложит ему дорогу к успеху и достатку, он не боялся ничего. Он ясно осознавал свое предназначение, а потом также ясно ощутил разочарование, первое в его новой жизни.

Однако судьба сжалилась над ним, будто и вправду не захотела лишить мир истинного гения. Добрая женщина, торговавшая на привокзальном рынке пирожками, привела потерявшегося путешественника, праздно шлявшегося вдоль путей, в свой старый дом на окраине города, в большую шумную квартиру на пятом этаже. А в залог взяла лишь несколько натюрмортов и обещание уплатить за жилье сразу, как только появятся деньги у нового жильца.

Не сказать, чтобы деньги посыпались на голову юноши, но голодным он почти никогда не сидел и даже раз в неделю мог рассчитывать на тарелку супа с говяжьей костью, «случайно» оставляемую сердобольной хозяйкой. Он брал иногда частные заказы, просиживал днями на центральной площади под солнцем и дождем, рисуя редкие портреты гуляющих горожан, давал уроки детям, настойчиво уверяя роди-

телей, что в размазанных картинках их чад кроются будущие великие творения.

И мечтал... Мечтал о славе, о признании и о том, наконец, что сумеет найти свое предназначенье и создаст, как бог мирозданье, то единственное истинное чудо искусства, настоящий художественный шедевр, ради которого стоит жить и творить. И люди оценят его и будут благодарить судьбу, что послала им этот дар. Но что это будет за картина и как он будет ее писать, юный художник не представлял совсем. А пока грелся собственными мечтами и считал себя богачом в мире задуманных идей и великих открытий.

Но вот однажды теплым майским вечером он, как обычно, шлялся без дела по городу, погруженный в свои мысли, и набрел на парк. «Странно, – удивился он, – такое живописное место, а я еще ни разу его не видел.»

А дальше все было так, как описали в разговоре кленовый листочек и его новая знакомая в лиловом плаще. Тогда-то художник и влюбился, влюбился безумно, безвозвратно, со всей пылкостью своей впечатлительной натуры. И ему вдруг сразу стали безразличны все его картины, он оставил кисти и краски и мечты о высоком призвании. И верил теперь только в любовь и ею только жил все счастливое время их коротких встреч. Как восторженно, как страстно любовался он всеми совершенствами ее лица, плавными изгибами стройной фигуры, легкой женственной походкой, несущей ее над землей. Он буквально упивался безграничной

привлекательностью живого портрета и лучшего счастья себе не желал.

Но, ослепленный внешним совершенством, он не сумел разглядеть скрытых глубин ее внутреннего мира, ее непостижимой души. Отдавшись без остатка своему новому чувству, он ни на минуту не сомневался, что оно взаимно.

И вот как-то, уколовшись о ее холодный взгляд и отчужденность, он, как утопающий за соломинку, ухватился за совершенно безумное предложение своей возлюбленной – создать ее портрет неземной красоты. И тут он вдруг осознал, что это тот самый шанс воплотить его мечту в реальность. Не розовые цветочки в пошлых вазочках, не толстые физиономии незнакомых мужчин и женщин, не куча других картин и картинок, написанных по заказу, без души, без вдохновения, а совсем иное – божественное воплощение реальной земной красоты. И эта красота сама далась ему в руки, доверилась его таланту. Именно ему предоставлялось право вдохнуть в нее и свое воображение, и свою страсть и доказать ей, неподкупной, свою бескрайнюю любовь.

И он с головой окунулся в работу. Несколько недель пролетели, как один день. Все это время он почти не отходил от мольберта у себя в комнате, не замечая ни усталости, ни голода, ни смены дня и ночи. Он был одержим. Время торопило мастера.

Наконец наступило 27 июля – ее день рождения. Разбуженный бессонницей, он встал с первыми лучами солнца,

слабо пробивавшимися сквозь тяжелые полинявшие шторы. В сильном возбуждении он тут же кинулся к своему полотну. Как одержимый, он простоял за работой весь день. Делались последние мазки. Еще несколько движений кистью, несколько черточек, чуть-чуть тени... и вот, кажется, все готово. Он отошел на два шага назад.

Отошел и замер... Сердце учащенно билось. Он с жадностью всматривался в то, что стало портретом, пытаясь найти в нем идеал вечности и красоты – то, к чему стремился, о чем грезил.

Что-то неуловимо близкое, дорогое глядело на него и вместе с тем каким-то нездешним холодом обдавало его воспаленную душу. В изнеможении он опустил на стул.

На картине, озаренная лучами восходящего солнца, царственной поступью проходила Она – безусловно красивая, вызывающе молодая, до боли близкая и недосыгаемая. Ступая по воздуху, как по ступеням, она двигалась прямо на него, обдавая холодом и блеском своего непостижимо-обаяния. Облаченная в тонкую тунику, стекающую мягкими складками с ее стройного стана, она казалась воздушной, нереальной. А простирающийся за нею легкий дымчатый шлейф, усеянный едва заметными утренними звездами, лишь усиливал это впечатление.

Неподвижное лицо в ярких солнечных лучах казалось мраморно-белым, кожа нежной до прозрачности. Более всего завораживал взгляд. Каким он был, художник сам не мог

ответить. В этих, казалось, знакомых карих глазах отражался свет далеких галактик и каменное спокойствие величественной статуи. А в то же время, он это ясно почувствовал, в них сквозило какое-то горькое моление, тоска по чему-то давно ушедшему. Взгляд притягивал к себе этой загадочностью, двуликостью. Притягивал и отдалял одновременно.

И только единственный штрих, маленькая, но существенная деталь выдавала реальный жизненный образ, знакомый человеческий характер. Это была легкая усмешка на тонких губах красавицы, чуть надменная и снисходительно-нежная. Художник заметил ее в день их последнего свидания, когда получил заказ на портрет. Заметил и запечатлел в своей памяти.

Он все смотрел и смотрел... Юношей овладели смешанные чувства: он готов был безоглядно преклоняться величию этого рукотворного божества, а с другой стороны, был подавлен, даже испуган им. К своему разочарованию, он не смог прочесть в этом рукотворном образе отражение собственных чувств. И не сумел приблизиться к главной разгадке: стала ли картина действительно гениальным произведением истинного мастера, предметом его грез и честолюбивых желаний или явилась слабым подражанием чужих идеалов и представлений о красоте. Он был не в состоянии признаться себе в своих сомнениях и лишь завороченно глядел на сотворенное детище, притягиваемый неведомой слепой силой.

Бой кухонных часов заставил его вздрогнуть. Кукушка

хрипло прокуковала шесть раз, тут же послышался звон посуды – дело шло к ужину.

Холст по-прежнему оставался на мольберте. Краски почти совсем высохли. Нужно лишь было вставить его в раму. Но время торопило. И юноша только наскоро, но аккуратно свернул полотно. Быстро одел свой единственный черный костюм, быстро почистил ботинки. Он спешил. Забыв глянуть в зеркало и причесаться, выскочил в коридор. Он даже не мог вспомнить, ел ли сегодня чего-нибудь и запер ли за собой дверь.

Вдруг он услышал у себя над ухом испуганный возглас хозяйки, которая во все глаза пялилась на него. За криком последовал звук разбитой тарелки. Он не обратил на это внимания и, пробурчав что-то вроде «извиняюсь», поспешил исчезнуть.

«Наверное, я страшно осунулся и зарос. Мой вид не из лучших,» – подумал он, с трудом спускаясь по ступеням. Он чувствовал невероятную усталость, которая навалилась ему на плечи тяжким грузом. Сердце билось глухо, с перебоями, как неисправный механизм, дыхание было учащенным.

«Будто я постарел, пока был занят картиной,» – мелькнуло у него в голове. И он медленно зашаркал по пыльной мостовой. Ноги сами привели его к парку.

Войдя под арку, он услышал громкую веселую музыку, людские голоса, радостный смех. Сердце ему подсказывало

идти туда, откуда доносился шум. Здесь, в глубине парка, было маленькое уютное кафе. В общем гуле толпы выделялся чей-то низкий голос: «За совершеннолетие нашей красавицы!» Потом хлынули аплодисменты, послышался звон бокалов, и грянула музыка. Это был тот самый вальс, их вальс... Только сейчас он звучал слишком громко, надрывно, неласково.

Бедный художник стоял в стороне и не решался ступить далее. Он растерянно озирался, тяжело дыша, и еще крепче прижимал к груди свое сокровище, завернутое в лоскут кисеи.

Вдруг в самом центре толпы он увидел ее. Она показалась ему еще более красивой. В белоснежном бальном платье, перехваченном алым поясом, она была скромна, мила и нарядна. Да, это была именно она, его прежняя любовь, только еще привлекательнее, нежнее, с мягким добрым блеском в глазах.

Она стояла одна среди ликующего моря порхающих пар и нетерпеливо смотрела вдаль в ожидании кого-то. Конечно, она искала именно его и не могла найти. С трудом справляясь с волнением, он попытался крикнуть «Я здесь!», но вышел лишь слабый надломленный хрип. В этот момент кто-то грубо задел его плечом и окрикнул:

– Не мешайся, дед.

Рядом захихикали. А он продолжал стоять, как приросший, на том же месте, ничего не понимая и не замечая.

Неожиданно он почувствовал не себе ее взор. Он жадно всмотрелся ей в глаза... их взгляды встретились. Но в зеркале карих глаз он не нашел ничего, кроме досады и грусти. Неужели, она его не узнала? А, может, она его не ждет, а ищет кого-то другого? Догадки вихрем проносились в его голове, и ни одна не давала твердого ответа.

– Опять этот глупый старик, – услышал он за спиной что-то недовольство и был увлечен в бурлящий круговорот быстрого танца.

Теперь он уже сам устремился вперед сквозь счастливую равнодушную массу людей к тому месту, где стояла она. Однако шаткие ноги не слушались его, со всех сторон его толкали и теснили. Он бесконечно долго вращался в бешеном ритме музыки. Кружилась голова. Потом в глазах потемнело. Он плохо помнил, как был сбит с ног, как выронил из рук картину. Сквозь пелену, закрывшую ему глаза, видел чужие недоуменные лица, слышал вздохи о каком-то старике. Потом чьи-то крепкие руки унесли его прочь...

Он почти не осознавал, как доплелся домой, как ужаснулся, увидав в обломке расколотого зеркала свое неузнаваемое лицо, как долго потом провалялся в бреду, не понимая, жив ли он или нет.

Когда же наконец сознание вернулось к нему, он никак не мог объяснить себе суть происшедшего. Однако сердце подсказывало ему, что всему виной этот злополучный портрет и его бессмысленная тяга к созданию совершенства.

Но он и мысли не допускал о том, что она, его возлюбленная, хоть как-то причастна к его трагедии. Вероятно, чьи-то злые силы позавидовали их счастьем и вмешались в их судьбы, превратив его в старика, отвратительного, дряхлого, уродливого. Возможно, и жить-то ему оставалось немного. Да и для чего жить и кому он теперь нужен такой? Ей ли? Если она едва решалась любить его, молодого и красивого, то о чем же он мог мечтать сейчас?

Но надо было существовать дальше. Смирившись со своим тяжким положением, он, пряча глаза в пол, заявил хозяйке квартиры, что проживет некоторое время в этой комнатухе вместо своего «внука», пока тот в отъезде. Он продолжал платить за жилье, возобновил работы на заказ и перестал ждать и надеяться на что-либо. Сухие, серые, однообразные будни потянулись бесконечной чередой. Лето сменилось осенью...

Как-то раз, бесцельно гуляя по городу, он вдруг случайно оказался у входа в парк. «А почему бы не зайти?» – подумал он. Ему совсем недавно заказали осенний пейзаж для гостиной. Обойдя весь парк, он не нашел в нем места лучше, чем на танцевальной площадке в окружении вековых кленов и печальниц берез. Рояль на сцене ронял медленные трепетные звуки старинного вальса. Золотые, пурпурные листья плавно качались под его музыку над усыпленной землей. Вокруг все было наполнено тихим очарованием осени, легкой грустью прощания.

И художник достал кисти. Он уже забыл, для кого писал и зачем. Он ощущал лишь какую-то жгучую потребность излить свои наболевшие чувства в красках. Он не имел никакой цели, не жаждал ничьего признания. А все писал и писал... Пока играл рояль, пока, сладко шурша, падали листья, пока стучало одинокое сердце в такт волшебной музыке:

– Раз! два-три... Раз! два-три...

Когда же картина была окончательно завершена и он уже дал ей название «Осенний вальс», на него вдруг napало новое озарение. Он решил наполнить пейзаж живым образом – красивой парой, вальсирующей под музыку осеннего листопада. И вот началась новая работа, вдохновенная, изо дня в день, с полной самоотдачей. Хотя рисовал он фигуры по памяти, но ему остро нужна была соответствующая обстановка – настоящий осенний парк. И он торопился, не зная покоя, пока натура была еще свежа. Тяжело давалась работа: горькие воспоминания то и дело вставали перед его воспаленным взором, застилая глаза мутными слезами и щемя уставшее больное сердце. Но он не останавливался.

И вот теперь бедный художник сидит в холодной сумрачной комнате среди разбросанных холстов и красок, отхлебывает остывший горький чай и внимательно рассматривает свое последнее выстраданное творение.

«Да, действительно, – думает он. – Не мог же я нарисовать и свое лицо. Ну, как объяснить, почему красавица в паре с уродом, молодость рядом со старостью? Пусть кто-то

скептически скажет, что такой ракурс не по правилам искусства. Зато он по закону жизни. Ведь изобразить все таким, как есть, значит, осквернить любовь. Впрочем, здесь все правильно.»

Он встал, расправил плечи, вдохнул полной грудью и еще раз окинул взглядом полотно. Насколько оно отличалось от предыдущего! В нем совсем не было ни поражающего воображение величия, ни надменной красоты и неподвижности. Здесь было все просто, понятно, немножко грустно и...

– Кажется, чего-то здесь все-таки не хватает... Чего же, чего?

Он быстро зашагал по комнате, опрокидывая стулья и натываясь на острые углы.

– Какой-то штрих, ничтожная деталь...

Подойдя к окну, он вдруг закричал что было сил:

– Я понял, понял! Еще один лист, последний лист! Его-то и не хватает. Надо спешить, надо бежать туда...

Он, как сумасшедший, закружился по комнате, нацепляя на ходу шарф, шляпу, перчатки. Он летел по лестнице вниз, перескакивая через три ступеньки.

«Будто молодость вспомнил,» – пронеслось у него в голове, и он ускорил шаг, прижимая крепче к себе заветное полотно.

А в это время в глубине безлюдного парка под старым кленом сидела девушка в лиловом плаще и, низко склоняя голову, нежно гладила побуревший листок, лежавший у нее

на ладони.

Убаюканный теплой рукой, тот незаметно уснул. Сквозь сон он увидел яркий солнечный день, счастливые молодые лица, танцующие по кругу, услышал знакомую музыку вальса. Но неожиданно вальс сменился зловещей песней осеннего вихря, исчезло солнце, пропали листья на деревьях, а место молодого кавалера в паре занял дряхлый старик. И лист проснулся.

– Ох, я, кажется, задремал. Мне даже приснилось что-то...

Он попытался вспомнить сон и тут же озарился радостной улыбкой.

– О, как же я мог забыть! Какая непростительная рассеянность! Ты ведь не все знаешь. Не плачь, еще не все потеряно. У этой истории есть продолжение.

– О чем ты говоришь? Я тебя не понимаю, – с грустью сказала девушка. Однако в самой глубине ее глаз промелькнул слабый огонек надежды.

И листок, сбиваясь и боясь что-нибудь упустить, стал торопливо рассказывать ей про другую часть картины – про две танцующие фигуры, нарисованные художником позднее.

– Неужели это были мы – он и я? Ну, говори же! – нетерпеливо подгоняла девушка.

– Конечно, это была ты. Это, непременно, ты... В белом шелковом платье с алым поясом. О, ты была превосходна! Так шел тебе этот наряд. И ты была немислимо...

– Ну, что ты болтаешь всякую ерунду! Ты о нем говори. Как он выглядел? Старым и некрасивым? Ведь так, так?

Она судорожно трясла рукой. Бедный листок чуть не упал на землю.

– Не... не знаю... Может быть... Дело в том, что он стоял спиной и...

– Ах, все потеряно!

Девушка обреченно опустила руку, и листок оказался прямо в луже.

– Нет же, нет! – запричитал он, барахтаясь в грязи.

Девушка с жалостью и недоумением поглядела на него.

– Разумеется, он стоял спиной. Но если ты хоть немножко напряжешь свою затуманенную горем память, то вспомнишь, что у того старика волосы оставались русыми и шелковистыми, как у молодого. Старость не тронула их.

– Так ведь он мог быть на картине и прежним, молодым. Как узнать теперь? К сожалению, это осталось тайной.

Девушка тихо вздохнула, безмолвно подобрала листочек и стала вытирать его рукой. Глаза, наполненные слезами, смотрели куда-то сквозь него.

– Ты ведь еще не все вспомнила, – не унимался он. Фыркая и сбрасывая с себя грязные капли, он продолжал. – Твой художник нарисовал эту картину совсем недавно. А недавно что у нас было? Правильно, осень! И парк на картине был осенний, и рояль был усыпан опавшими листьями, и вы танцевали осенний вальс... Раз! два-три... Раз! два-три... А ты

нежно-нежно глядела ему в глаза и что-то говорила...

– Я люблю тебя! – сорвалось с ее губ.

Она подхватила листок и, счастливая, закружилась с ним. Она кружилась в вихре вальса под гул ветра, под шум холодного дождя, под шорох сырой травы под ногами.

– Я люблю тебя! – продолжала заклинять она, танцуя, как безумная, и целовала мокрый бурый лист у себя на ладони.

«Я люблю тебя!» – эти слова эхом разносились по пустынным аллеям, долетали до далекой чугунной ограды, поднимались высоко над старым парком. Их никто не мог слышать в безлюдном пространстве, кроме одного человека – быстро приближающегося юноши со свертком в руке. Он нес свою лучшую картину под названием «Осенний вальс». Но об этом знали лишь он, она и последний лист ускользающей осени.

Снежинка

Зима в этом году была особенно снежной. Вихри и метели, кружившие в морозном воздухе, щедро рассыпали на уснувшую землю бесчисленное множество белых пушистых звездочек – снежинок. Хрупкие, изящные, невесомые, они медленно скользили по небу на крыльях ветров и, играя на солнце своими веселыми лучиками, ложились повсюду – на заледенелые дороги, деревья, крыши домов и машин. Их жизнь была легкой и беззаботной, как и они сами. Что могло потревожить их крохотное счастье? Ровно ничего. Они тихо радовались каждому мгновению прожитой жизни и радовали всех на земле своим озорным блеском и очарованием зимней сказки.

Снежинки, как и люди, были разные по натуре. Одни беспечно резвились, погибая под безжалостными колесами автомобилей и на горячих заводских трубах. Другие же предусмотрительно рассаживались на макушках высоких деревьев или уносились с попутным ветром на далекие заснеженные поля и ледяные реки – прочь от городской суеты и теплой человеческой жизни. Но никто из маленьких красавиц не мог знать, когда же придет конец, когда злой рок унесет их на страшную погибель в чуждую сторону или плаксивая оттепель растопит неумолимой сыростью их тонкие ледяные сердца.

В тот день с утра был сильный снегопад. Неведомо откуда взявшееся на чистом небосклоне пушистое мягкотелое облако разбросало на проснувшийся город целый дождь искрящихся белых пушинок. Особенно много их выпало в парке. Когда же взошло солнце, целый город – и большие, и маленькие – с веселым смехом потянулся на заснеженные дорожки парка, чтобы вдоволь насладиться чудесным зимним утром.

Молодая новорожденная снежинка, оброненная облаком, вместе с другими легкокрылыми подружками, летела, подхваченная ветром, в манящую неведомую даль. Сначала она видела вокруг себя холодное голубое пространство и миллионы таких же, как она, ослепительно белых красавиц. Внизу пестрела бескрайняя земля и обещала много неожиданных открытий и неиспробованных впечатлений.

Снежинки шумным вихрем опускались вниз и своими звонкими голосами наполняли все уголки большого городского парка. Они проносились то тут, то там, желая всюду побывать, все увидеть.

Молодая снежинка тоже поддалась общему радостному настроению и вместе с другими стала кружиться над огромным ледяным катком. Лилась красивая музыка, и сверкающие белоснежные огоньки построились в воздухе дружным хороводом и стали кружиться в такт мелодии, стараясь не отстать от танцующих фигуристов.

Снежинка так увлеклась этим занятием, что с непривычки

у нее закружилась голова, и она чуть не попала под чей-то острый конек. В страхе она отлетела в сторону.

«Нет, так не пойдет, – благоразумно подумала она. – Я еще очень молода и совсем не хочу погибнуть, не успев насладиться как следует счастливой снежной жизнью.» Однако другие снежинки все же продолжали беззаботно веселиться и падать куда попало. Подул легкий ветерок, и они ускорили движение. Юные фигуристы, а точнее фигуристки, потому что на льду были в основном девочки, еще больше обрадовались новому снежному порыву и с восторгом стали поднимать вверх руки, ловя неловкие белые кристаллики. Те же тотчас таяли на их теплых руках.

Все это видела маленькая снежинка и уже торопилась покинуть опасный каток, чтобы избежать подобной участи. Ветер помог ей перенестись на широкую заснеженную поляну, залитую солнцем. Здесь озорные мальчишки дружно сооружали огромную боевую крепость. Между делом, чтобы не зевать, они подгоняли друг друга громким улюлюканьем и метко запущенными снежками. От этого становилось веселее и снежинкам, и ребятам, которые в пылу борьбы пытались увернуться от быстрых ударов. Частенько какой-нибудь ком попадал в чью-то голову и тут же рассыпался белым фонтаном под радостный мальчишеский хохот.

Снежинка сама смеялась от души и в то же время поспевала ловко избегать столкновений со снежными снарядами.

Приближался полдень. В пылу азарта она так уморилась,

что, примостившись на макушку построенного кем-то снеговика, не заметила, как мирно уснула. Ей снилось, что плывет она огромным белым облаком над землей выше всех снежинок, поднимаясь все выше и выше. Ей делается все холоднее и страшнее. И знает она, что больше никогда не вернуться ей на землю...

Вдруг сильный удар потряс ее, выведя из забытья. Это запущенный кем-то камень разбил голову снеговика, едва не лишив жизни и снежинку. Началась нешуточная война среди разбушевавшейся ребятни. Один из снежков, пронесшихся мимо снежинки, чуть не сломал ее тонкие крылышки. Она, не раздумывая, поспешила скрыться.

Ее новое пристанище оказалось где-то среди сосен, в стороне от парковых аллей. Здесь тесной кучкой сидели взрослые люди – мужчины и женщины. Они грелись около жаркого костра, на котором жарилось сочное мясо. Снежинка испуганно отпрянула от страшного огненного вулкана. Но отлетела недалеко – очень уж ей хотелось узнать, чем были заняты эти люди. А они, ничего не замечая, тихо пели чудесную нежную песню про снег и печаль, а один из них подыгрывал им на тонкой гитаре, покоившейся в теплых мягких руках.

Снежинка невольно покорила этой человеческой грусти и наслаждалась заворожившей ее мелодией. Уютно устроившись на сосновой ветке среди старой побуревшей хвои, она с трепетным волнением мурлыкала в такт не знакомую ей

песню:

Плыли снежинки в дали голубой,
Грустно на сердце нам было с тобой.
Лились слезинки —
Плыли снежинки.
Грустно нам было с тобой...

«Да, как много в жизни замечательного, — размышляла снежинка. — А как хочется узнать еще больше.»

Скользя ленивым взором по медленно спускающимся с неба белым хлопьям, она остановила свое внимание на одном из них — самой пышной и волнующе прекрасной снежинке.

«Вот это красавица!» С нескрываемой завистью она разглядывала богатое серебряное оперение удивительной незнакомки, переливающееся в блеске костра волшебными лучами.

А та, важно поворачиваясь, с удовольствием представляла жадному взору свое дорогое убранство. Но, упоенная успехом, белоснежная модница не заметилась, как слишком низко опустилась над пламенеющей бездной и тем самым сама приблизила жестокую развязку. Ненасытные языки костра в одно мгновение обожгли ее, и с шумным треском оборвалась тонкая красивая жизнь.

Сердце молодой снежинки сковало ужасом. Не в состоянии пошевелиться, она еле дышала на своей ветке. Теперь

в ее маленькой ранимой душе уже не осталось места для радости. Только задумчивость и печаль навсегда поселились в ней. Снежинка внезапно почувствовала, что повзрослела. И от этого ей стало еще грустнее. «Что же будет дальше?» – с тревогой подумала она.

Стало понемногу смеркаться. День начал приближаться к закату. Неожиданно налетевший вихрь легко подхватил маленькую снежинку и понес куда-то. Она, не сопротивляясь, безропотно подчинилась его воле и вскоре оказалась на широкой аллее. Вокруг стояла непривычная тишина. Людские голоса не были слышны. Снег уже не сыпался с неба и не искрился. Оглянувшись, снежинка не увидела ни одну из своих подруг. Ей сделалось жутко одиноко в этом безлюдном пустынном мире. Лишь старый дворник вдали монотонно чиркал метлой по дорожке, сметая примятый жалкий снег.

Вдруг жесткая метла подхватила большой белоснежный хрусталик и откинула его куда-то в кусты. Снежинка тут же поспешила туда. Она хотела узнать, кто это, хотела поделиться с ним своими печалью и, возможно, уберечь от таящейся опасности.

«Какая странная снежинка!» То, что она увидела, не было похоже ни на одну из ее знакомых: какое-то огромное белокрылое создание, удивительно красивое, с черными лапками, с черными усиками и накрепко закрытыми глазами. Это была бабочка-белокрылка, замерзшая с приходом зим-

них холодов и обреченная на вечный покой.

Напрасно юная снежинка пыталась вернуть ей жизнь своим ледяным дыханием, расшевелить ее лапки своими колкими крылышками, напрасно умоляла ее очнуться. Даже такое большое живое существо тоже оказалось подвластно умиранию.

Снежинка опять почувствовала себя глубоко несчастной. Вновь глухое одиночество коснулось ее своим неприветливым взглядом. Она вся сжалась, поникла. В вечернем сумраке ее серебряное одеяние сделалось блеклым, скучным.

Над головой проплыла медленная серая туча и закрыла последние лучи уходящего дня. Резкий колючий ветер понес снежинку куда-то в конец аллеи.

Она уже не думала, зачем летит и что ждет ее в темной глубине парка. Она уже ни о чем не переживала и ничего, кажется не желала.

В закатной вечерней дали вырисовывался неясный силуэт какого-то памятника. Снежинка пригляделась внимательнее. Это была мраморная статуя девушки, прекрасной, величественной, неприступной.

«Она такая же белая и холодная, как и я. Интересно, кто такая эта чудесная красавица,» – подумалось снежинке, и она невольно залюбовалась изваянием. Внешность у каменной девушки была безупречной: точеное лицо с правильными чертами, гибкий стан, укрытый легкой накидкой, маленькие прозрачные руки, пронизанные тонкими мраморны-

ми жилками. Взор ее был безжизненно неподвижным и холодным.

Подлетев ближе, снежинка почувствовала непривычный холод, веявший от статуи. С опаской она все же присела на ледяное плечо.

С нескрываемым восторгом разглядывала она своего кумира. Но вскоре это занятие ее утомило, и она начала незаметно зевать. Однако скучать ей пришлось недолго. В сгустившемся мраке снежинка увидела слабые очертания человека. Спотыкаясь, он медленно приближался к памятнику. Это был молодой мужчина, высокий и худой, в его походке сквозила не то усталость, не то робость. Тонкое пальто на нем плохо согревало его, и он дрожал всем телом. Снежинка поймала его взгляд – изможденный и тоскливый. Видно, жизнь не баловала его, зато трудности и невзгоды не поленились позаботиться о бедном юноше.

Подойдя к мраморному подножию, он пристально посмотрел в глаза белокаменной красавицы. Теперь его взгляд был глубоким, влюбленно преданным, он мягко скользил по ее лицу, ласкал и согревал исходящим из сердца теплом.

Снежинка не понимала, как можно было любить пусть и прекрасное, но неживое и бесчувственное создание, такое, как эта статуя. А в то же время ей, снежинке, до смерти захотелось стать подобной, но божественно восхитительной красавицей.

Пока она вздыхала о своих несбыточных мечтах, молодой

человек стал что-то шептать тихо-тихо. «Странно, – подумала снежинка. – С кем он разговаривает, ведь вокруг никого нет?» А он стал говорить громче, и до ее слуха долетели обрывки волнующего стиха:

А ты холодная, как лед.
Тебя ничто не потревожит.
И даже пламя не поможет,
В тебе любовь не разожжет.

Эти слова, должно быть, предназначались той, перед которой влюбленный стоял в трепетном преклонении. А бедной снежинке на миг почудилось, что он читает стихи именно ей, это ее согревает жадным взглядом, ей признается в любви. Она взволнованно задышала, задрожала от нахлынувших чувств. Но то был сладкий обман. Юноша глядел в холодные глаза статуи, а она оставалась все такой же прекрасной и неподвижно равнодушной.

Тягостную тишину вдруг нарушил резкий гул подъезжающей машины. Молодой человек вздрогнул и поспешил скрыться в вечерней тьме. Яркий луч фар осветил памятник, и снежинка сжалась от страха.

Хлопнула дверца машины, и на дорогу вышла молодая красивая дама. Она беззаботно улыбалась, ее глаза блестели затаенной радостью, на щеках играл нежный румянец. Девушка наслаждалась морозной свежестью, тишиною спустившегося вечера и всему на свете, ей доступному.

Подойдя к изваянию, она заулыбалась еще больше, любуясь его красотой и изяществом. В ее глазах светилась гордость и самодовольство.

И тут снежинка неожиданно обнаружила, что прекрасная дама была никто иная, как сама статуя, точнее статуя оказалась чудесным повторением этой земной богини, оказавшейся вдруг в вечернем парке. Только вместо накидки на молодой особе была тяжелая пышная шуба, а лицо сияло живым человеческим теплом.

В это время из автомобиля вышел еще один человек – плотный средних лет мужчина в шляпе, дорогим пальто с меховым воротником. Снежинка успела рассмотреть его строгое не улыбочивое лицо и потухший взгляд его холодных бесцветных глаз. Он что-то стал говорить своей спутнице настойчивым резким голосом. Слушая его, она побледнела, опустила ресницы, сникла, потом горячо заговорила. В ее словах звучала дрожь и горечь неизбежной утраты. Их голоса сплелись. Из-за шума работающего двигателя снежинка не могла разобрать смысла разговора. Она увидела, что мужчина решительно отошел в сторону, замахав руками. Девушка кинулась за ним. Попыталась его обнять, протягивая к нему тонкие в кольцах руки. Но тот небрежно ее оттолкнул, круто повернулся и, не сказав ни слова, сел в автомобиль. Обиженно фыркнули колеса, и только сизая дымка газа еще густилась на голой дороге.

Девушка не помня себя побежала вслед ускользающей ма-

шине, что-то крича в глухую темноту. Шуба слетела у нее с плеч, и она осталась лишь в легком белом платье. В нем она еще больше стала похожа на свое мраморное изображение. Девушка замерла на месте и беззвучно глядела в безжизненную даль темных аллей.

И вдруг возле нее оказался тот самый молодой человек, который только что безутешно признавался в любви каменной статуе. Он подобрал с земли шубу, бережно укрыл ею хрупкие плечи девушки. Он говорил ей что-то волнующе нежное, утешал ее, согревал дыханием ее руки, пытался взглядом поймать ее взгляд. Но тот оставался безучастным и отрешенным. Девушка ничего не видит и не слышит. А из страстного потока слов до нее долетает лишь одно – «люблю». Но не находит ответа в ее сердце.

Зато оно непостижимым образом проникает в душу маленькой бедной снежинки, и она вдруг постигает его глубокий смысл. Своей тонкой ледяной натурой она начинает ощущать щемящую боль настоящей страсти. Она осознает, что в ее власти находится чужая судьба и что она в силах повлиять на нее. Именно ей предназначено помочь этому юноше обрести счастье, уберечь его подругу от ложных чувств и спасти их умирающую любовь. Испытывая жгучую потребность исправить несправедливость, снежинка готова без страха и сожаления расстаться с самым дорогим, что у нее есть, – с собственной жизнью.

Она решительно срывается с холодного мрамора статуи

и, не колеблясь, опускается на пушистые ресницы девушки. Растопленная живым человеческим теплом, она начинает быстро таять, стекая прозрачной слезою и наполняя глаза горьким раскаянием и живым чувственным блеском. Последнее, что слышит снежинка в своей короткой и яркой, как вспышка жизни, – слово «да», слетевшее жарким шепотом с трепетных уст неприступной красавицы.

Холодоша

В селе Зимушкино все готовилось к приближающемуся празднику – Рождеству. В ночном небе зажигались волшебные звезды. И на земле, в каждой избе, не жалея жгли свечи. Сквозь ледяные узоры на окошках блестели огни наряженных елок. На потеху ребят на них вешали медовые пряники и кренделя.

Праздника ждали и стар и млад. Из больших скрипучих сундуков жители доставали яркие наряды, чтобы удивить соседей. Из домов выметывали мусор. Дворы вычищали, нагребая огромные сугробы. Добрые хозяйки стряпали жирные пироги с капустой, с грибами, с яблоками да с куриными потрошками.

По улицам, по заснеженным дорожкам расхаживали разудалые молодцы с гармошками и звонкими песнями, приглашая девиц на прогулку. А дети малые бегали по окрестным дворам с пестрыми мешками, набитыми разным добром, и распевали:

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку.

Но не только люди были увлечены праздничными хлопотами: мороз сковал речку Зимку, что течет через все село, он же развесил сосульки на мостах и крышах, покрыл инеем хрупкие ветки деревьев. А снежок устелил землю, голую и холодную, чтобы ей всю зиму тепло и сладко спалось.

Этими важными зимними делами усердно занимались два седых бородатых старика из зимушкинского леса. Они зорко следили, чтобы льда и снега было много и в селе и в его окрестностях. А накануне Рождества они и вовсе не ведали отдыха. Весь день и всю ночь, кряхтя и тяжело ступая огромными валенками, протоптали они немало дорог. То елочку неукрытую увидят – засыпят снежком, то трещинку на реке найдут – законопатят ледком. А уж сколько им пришлось постараться для детишек – сказать трудно: и сугробов для снеговиков наместить, и ледяных горок для катанья настроить, и сосуллек-леденцов поразвесить. Умаялись старички, присели на бревно отдышаться. На небе звезды горят праздничными свечками, снег искрится в их сиянии ледяными блестками.

– Эх, хорошо! – крякнул один из них.

– Да, хорошо! – подтвердил другой. – Глянь-ка, как небушко вызвездилось. Знать наутро мороз знатный будет.

– Оно-то и нынче мороз нешуточный. Да что мороз! Вот я рученьки свои замучил-то, намедни махаючи.

Так говорил старик по прозванию Холод Иванович, а по роду занятий самый что ни на есть снежный мастер. Он

ходил в длиннополой белой шубе и старательно размахивал огромными рукавами. Один взмах – и на высокой сосне целая шапка рыхлого снега. Еще взмах – и заячья нора укрыта хорошим сугробом.

– Тебе бы все поворчать да посетовать, – возразил его приятель.

И вправду, Холод Иванович был страсть как склонен к размышлениям вслух. А более находил он наслаждение пожаловаться на свою старческую немощь своему старому доброму другу – Морозу Васильевичу.

Вот-вот! Другого старика и звали-то в аккурат Морозом Васильевичем. Нравом тот был молчалив, даже угрюм, не любил не в пример Холоду Ивановичу лишних слов. Смотрел на вещи здраво и говорил лишь по существу. Редко в его пышных усах можно было увидеть улыбку. Держался он всегда стойко. И хотя скрипели его ледяные косточки, старался и виду не подать.

Нынче и он шибко притомился. Хотя работа-забота его была вовсе другая – лед ковать да сосульки чеканить. Он все ноги себе оттоптал, выбивая звонкий хрусталь на ручьях и реках. Постарался он и для ребятишек – сладил большую гладкую горку, чтоб весело им было кататься по высокому склону на речке Зимке. Теперь только ставь салазки и лети!

– Вот уж знатная горка! Отродясь таких не видел, – не мог нахвалиться Холод Иванович. – А сколько снегу-то положено, батюшки, и не сосчитать. Все детворе на забаву. Да, и ты

мне здорово подсобил, Васильевич. Эх, если бы не я, если бы не мы..

Холод Иванович все говорил и говорил, а другой старик в это время мирно засыпал, убаюканный однообразным бормотаньем приятеля, гулким скрипом заледенелых деревьев и крепким морозным воздухом звездной январской ночи.

Яркий солнечный свет праздничными лучами пробирался в узкие улочки села Зимушкино, играл озорными огнями на широких заснеженных полях, заглядывал в окна домов, будя заспанных жителей и выгоняя радостную детвору во двор. Детский смех слышался во всех деревенских уголках. Никакой мороз не был страшен маленьким сорванцам.

На окраине села, за старым перекошенным амбаром, притаились два старика. Один в пышной снежной шубе, сверкающей на солнце веселыми искорками. Он с ног до головы усыпан снегом, даже на бровях и белых усах лежит снег, лежит и не тает. Другой же старик будто изо льда весь. Шуба, и шапка, и валенки – все ледяное. Нос и щеки тоже прозрачные, словно стеклянные, и не краснеют на морозе. И, конечно же, это Холод Иванович и Мороз Васильевич. Они с удовольствием наблюдают, как катается с высокой горки ребятня. Разрумяненные мальчишки и девчонки шумной гурьбой съезжают как попало вниз, налетая друг другу на спины и головы. Спадают на снег шапки, переворачиваются салазки, рассыпаются в пух огромные сугробы, и еще громче поднимается ввысь задорный детский хохот.

Даже маленькая белая собачка с рыжим ухом по кличке Вершок оказалась втянутой в веселую забаву и с отчаянным лаем кубарем катится вниз. Там ее нагоняет метко запущенный снежок. Собачка огорченно взвизгивает.

– Ай-ай-ай, какой негодник! – сетуют из своего укрытия старики и грозят ледяным пальцем краснощекому вихрастому мальчишке. А тот, знай себе, лишь смеется звонко да швыряет снежки в кого ни попадя. Одет он в плохонькое пальтишко, на ногах латаные валенки, большие, не по ноге. Шапка же, напротив, шибко мала и плохо прикрывает красные от мороза уши. А он будто не замечает холода и все хочет.

Старики сразу признали озорника. Это Ванька – сын местного кузнеца и бедной крестьянки Акулины. Кузнец Федор ковал подковы для всех зимушкинских лошадок и для барских вороных. Да еще телеги умел починять да колеса на кареты налаживать. Богат он был несказанно: косая избенка, тощая лошаденка, детей мала куча – семеро головушек да одна пара валенок на всех.

Вот нынче и случился Ванькин черед их обуть. А младшие – Мишка да Аришка – в окошко глядят, братцу завидуют. А он, неугомонный, снежки все метает да и не видит, что старушка по дорожке по скользкой идет, с трудом с ноги на ногу переваливается. А в руках-то у нее ведро пустое – знать, по воду собралась. А снежок-то Ванькин, глядь, в ведро и попал в самый раз. Старушка руками всплесну-

ла и свое добро догонять. А оно катилось, катилось и до амбара прикатилось, у доброго снеговичка остановилось. Снеговичок, ребятами слепленный, хорош был: большой, круглый, глаза черные, из угольков, нос шишкою еловой, в руке метелка сломанная, а вот на голове-то ничегошеньки.

Холод Иванович и Мороз Васильевич, стоявшие неподалеку, лукаво переглянулись, подхватили пустое ведро, на голову снеговика нацепили, а сами в лес под гневные причитания старушки.

– Да, шутки шутками, а службу нести все же надобно, замечает Холод Иванович, когда друзья оказались далеко в лесной чаще.

Морозу Васильевичу трудно не согласиться с ним. Оба хоть и старые, а поспешать все равно приходится: и снега наметать, и льда нагнетать. Идут дедки, раскачиваются; скрипят старые кости, скользят непослушные ноги. Но вот откуда ни возмись подул попутный ветерок, подхватил их и понес. Обрадовались приятели легкой дороге, да только ветер был недолог и скор. Чуть разогнался и улетучился тут же. Холод Иванович не удержался на мерзлой земле и с сильным грохотом свалился, лишь крикнуть успел. А вслед ему и Мороз Васильевич не удержался и упал да так, что треск раздался. Покатились оба под рябиновый куст, сбили с него снежную одежду, оголили красные грозди ягод. Барахтаются в снежной пыли, чертыхаются, моргают, чихают да на чем свет бранятся на лед, на ветер и друг на друга и хоть что-ни-

будь увидеть пытаются. И увидали: сквозь белый дым глядят на них испуганно чьи-то черные косые глаза и тоже моргают. Когда снег улегся, оказалось, что это заяц-беляк сидит, дрожит, уши к голове прижал. Одно ушко у него длинное, а другое короткое, кем-то обгрызанное.

– Никак испужался, косой? – захопотал Холод Иванович.

А Мороз Васильевич за рукав его дергает: гляди, мол, кто там за пнем прячется. Видят, пушистый рыжий хвост мелькнул. Это лисица-плутовка зайкины следы распутывает, на белого трусишку охоту ведет. Тогда Холод Иванович, не раздумывая, замахал своими рукавами да рукавицами, намел пурги на всю округу, и спрятались под снежным покровом заячьи следы.

– Так-то ладно, так-то надежно, – расчувствовался он. – Потому как пособлять надобно братьям нашим меньшим и всякому, кто...

Но Мороз Васильевич не слушал приятеля, а, подойдя осторожно к зайке, спросил его:

– Ты скажи нам, косой... Ах, нет, лучше покажи. Может, есть где местечко для нашей работенки снежной али ледяной. Ты, чай, далеко бегаешь, много знаешь. А то мы уж давненько ходим, бродим все без делу, зазря землю мнем.

Зайчик радостно закивал разноухой головкой и поспешил в глубь леса, увлекая за собой ковыляющих старичков.

Долго добирались они со своим попутчиком, наконец пришли к большому ручью, радостно журчащему среди сугро-

бов. За дело взялся Мороз Васильевич, и скоро толстый ледяной панцирь охватил весь поток, спускавшийся с пригорка в сосновый бор.

Потом зайчишка прискакал на поляну, почему-то забытую ветрами и вихрями. Едва припорошенная земля вся дрожала от холода, а тонкие стебельки пожухлой травы зябко склонялись под легкой снежной простынькой.

– Вот уж, истинно, безобразие! – заохал Холод Иванович и пониже спустил рукава.

Он так увлекся работой, что в пылу усердия нагнал снега не только на поляну, но и на себя, и на недовольного Мороза Васильевича, и на одинокую ворону, важно восседавшую на дряхлой осине. Вороне такая шутка пришлась во все не по вкусу, и она с громким карканьем резко взметнулась с ветки, – огромный снежный ком соскочил с дерева и упал на бедного зайчишку. Тот, прижавши уши, задал такого стрекача, что снег стоял столбом, а старики смеялись до слез.

– Однако, – задумчиво заметил Мороз Васильевич, – а ведь заяц нас привел бог весть куда. Где же она, дорога?

Тут уж было не до смеху. Места незнакомые, и нужно скорей возвращаться в родной зимушкинский лес, пока не стемнело.

Много времени ковыляли дедушки по темным лесным закоулкам. Солнышко давно скрылось за высокими елями, ночь быстро приближалась. Ни одна птица, ни один зверь

не попадались больше в глухом безлюдном лесу, снег уже не скрипел весело под ногами, а затягивал, словно топкое болото, прямо по пояс.

– Я больше не могу, – взмолился Холод Иванович и в бессилии свалился на огромный сугроб.

– Э-э! Так дело не пойдет. Эдак мы пропадем тут зазря, – возмутился Мороз Васильевич. – А, кстати, что это за странный такой сугроб.

Он сунул руку в снег и вытянул оттуда пучок соломы. Ну, конечно, это самый обыкновенный стог сена, прикрытый снегом. И в подтверждении этого совсем близко послышалось конское ржание и лай сторожевых псов.

– Сдается мне, здесь жильё жилое, – Мороз Васильевич схватил друга в охапку и поторопился на шум.

Лес, и вправду, закончился, и им открылся незнакомый вид: большое село, посреди которого – высокий каменный дом, с колоннами, черепичной крышей, флигелями и конюшней, позади – вереница сереньких изб, амбаров, дальше – овчарня и мельница, а в стороне, на пригорке, – стройная белокаменная красавица церковь с уснувшими колоколами и заснеженными золотыми крестами.

– Эх, диво-то какое! – всплеснул руками Холод Иванович. – Это куда же мы забрели с тобою? Ась?

– Чудится мне, село это будет Романово. Верст осьмнадцать от нашего, от Зимушкино, небось. Вот уж занесла нелегкая. Тут, известно мне, князя живут по прозванию Ро-

мановы. А вон, глянь-ка, не сама ли княгиня...

Действительно, возле барского дома, на краю овражка, стояла высокая худая дама в шляпке, очках и с очень строгим и умным видом.

– Си ву пле, си ву пле. Домой! Уже на улица темнеть. Маман волновать. Ляля, ты слышат меня?

Дама плохо говорила по-русски. Она очень нервничала, и очки то и дело подпрыгивали на ее остром носу.

– Нет, это вовсе не княгиня, – рассудил Мороз Васильевич и почесал свою ледяную бороду. – Это, сдастся мне, мадама такая будет аглицкая али хранцузская. Она, видишь ли, к дитяте приставлена для тонкого, понимаешь, воспитания. Вот!

В самом деле, серьезная «мадама» пыталась управиться с маленькой краснощекой девочкой, в красивой беличьей шубке, пушистой шапке и с муфточкой на шнурке. На ногах у той были нарядные сафьяновые сапожки, в косах – яркие атласные ленточки, а в руках она держала резные деревянные салазки. Девочка вовсе не хотела слышать вразумительных слов няни и упрямо пыталась съехать в овраг.

– Ну, разок, ну, еще один только разочек, добрая-добрая мадам Журит, – плаксиво умоляла она. – Салазки у меня волшебные, честное слово. Я скачуся быстро-пребыстро. Вот увидите, мадам!

На строгую воспитательницу эти увещевания не подействовали. Да и вряд ли, поверила она в волшебную силу санок. Не такая она была! Но в тот самый миг откуда ни

возьмись раздался звонкий ледяной хлопок, будто разбилось стекло об лед. Девочка только успела выкрикнуть «Ой!», с головы Холода Ивановича слетел снег, а с носа мадам – очки. Потом вдруг сильный озорной вихрь сбил с ног и маленькую девочку в красивой шубке, и ее грозную няню и понес их, точно ком, с горки вниз. Следом полетели, кувыркаясь в снежной пыли, деревянные салазки.

Холод Иванович и Мороз Васильевич не успели ничего сообразить. Только из темноты оврага доносился радостный детский смех и громкие ругательства няни на непонятном языке вперемежку со словом «Ляля». А именно так звали непослушную девочку. Ляля смеялась от души, а грозная наставница, ползая на четвереньках, нащупала на снегу свои очки, усадила их на прежнее место и сквозь залепленные стекла с негодованием посмотрела на воспитанницу.

– Несносный девчонк! Мадам все рассказывает ваша маман. Вот!

Девочка перестала наконец смеяться, успокоилась, однако звонкий смех почему-то не прекращался. Ляля и мадам с недоумением подняли головы и увидели наверху какого-то озорного мальчишку довольно странного вида. На нем был, несмотря на январский мороз, только тонкий легкий кафтанчик светло-голубого цвета, шапки же и варежек не было и вовсе. А сам он казался невероятно бледным. Бледным, почти прозрачным было его тоненькое лицо и маленькие, точно выточенные из льда руки с узкими белыми пальчика-

ми. Няня с Лялей растерянно переглянулись, а старики многозначительно подмигнули друг другу. Они-то сразу узнали этого мальчишку-шалуна.

– Это ты сталкиват Лялю? – возмущенно спросила мадам.

– Я! – весело ответил тот, и его голос звонким ледяным эхом разнесся по всей округе.

Всем вдруг стало ужасно холодно. Даже Холод Иванович с Морозом Васильевичем поежились.

А мальчишка принялся вновь залихватски смеяться, и тут терпение многострадальной няни лопнуло. Она с дерзкой решимостью, подхватив испуганную девочку, в один миг взмыла на горку. И не успели старики опомниться, а мальчишка был уже в ее цепких руках. С барахтающимися малышами мадам, не раздумывая, направилась к барскому дому. У крыльца отчаянно залаяли собаки.

– Надо что-то предпринять, – забеспокоился Мороз Васильевич, а Холод Иванович лишь беспомощно всплеснул руками.

Однако они все же поспешили за строгой воспитательницей в надежде спасти детишек. Холод Иванович при этом отчаянно размахивал руками, но снег едва успевал угнаться за скорыми шагами решительной женщины и неровными сугробами ложился на пути преследователей. Напрасно старался и Мороз Васильевич: топал что было сил, а лед лишь достигал пяток беглянки. Зато они сами немало намучились, путаясь в шубах и спотыкаясь на скользком льду. Намяв при-

лично себе бока, с тяжелым оханьем бедные старики повалились на землю.

А в это время женщина с детьми уже подошла к чугунной ограде. Из широкого окна дома доносилась тихая нежная музыка, а на дорожку перед крыльцом падал теплый мягкий свет. Остановившись у ворот, няня на минуту выпустила из рук мальчика, чтобы дотянуться до звонка. Она так старательно дергала за шнурок, что тот не выдержал и оторвался. Однако громкий звон колокольчика не умолкал, а продолжал заливаться по темным дворам и улицам. Оказалось, это шустрый мальчишка, освободившись от оков мадам, стоя в стороне, отчаянно бил в ладоши, а с них, с его маленьких ладошек, и слетал этот удивительно тонкий ледяной звон, будто сосулька стучала об сосульку.

– Вот молодец! – обрадовались старики и стали пуще подбадривать. – Давай, давай сильнее!

Вмиг налетел резкий ветер, и снежная буря заволокла всю округу, а сквозь ее завывания продолжал звучать озорной смех.

Когда же стихия успокоилась, старики увидели лежащую поперек дороги перепуганную няню. В руках у нее был оторванный колокольчик. Рядом, в огромном сугробе, барахталась маленькая Ляля. А мальчишки-сорванца и след простыл.

В это время в открытых нараспашку воротах показалась взволнованная женщина. Желтый свет, выбивающийся

из двери, освещал ее хрупкие плечи с накинутой наспех легкой белой шалью. Она, дрожа от холода, кинулась к упавшей Ляле. В глазах женщины светилась доброта и тревога.

Девочка, выбравшись из сугроба, поспешила к ней навстречу с радостным криком:

– Мама, мамочка! Я каталась на волшебных салазках. Они сами ехали. Было так весело! И мадам Журит тоже каталась.

Она задорно смеялась, показывая на няню. Та стояла с растерянным видом, перекошенными очками, вся в снегу и пыталась сказать что-то гневное, но только беспомощно раскрывала рот.

Мама Ляли в ответ виновато улыбнулась и крепко прижала к себе дочку.

– Это есть неслыханный безобразие! Это есть кошмар! – наконец выдавила растревоженная воспитательница.

– Не стоит расстраиваться, мадам Журит. Ребенок, возможно, только хотел поиграть. Ляля у меня такая выдумщица!

Теплый взгляд матери успокоил мадам, согрел малышку и двух стариков, притаившихся за забором. Холод Иванович так расчувствовался, что даже прослезился, и с его снежных усов потекла капель. Он уже было сделал шаг в сторону милой дамы, как Мороз Васильевич поспешил увести его побыстрее в лес.

– Удивительные события!

– Прямо чудеса!

– А какая злая няня...

– А какая добрая мамаша...

– А как он их заметелил, настоящий снежный ловкач.

– Молодчина ветрюган, просто кудесник-расчудесник, какие кренделя со снегом выделывал! Пошибче, чем у нас с тобой будет.

Так-то радовались минувшим событиям и проделкам озорного мальчишки оба старика-холодовика. Даже Мороз Васильевич не отставал от приятеля и щедро сыпал похвалами. Но вскоре, опомнившись внезапно, он забеспокоился:

– Куда же он запропастился, этот проказник?

Холод Васильевич беспомощно поглядел вокруг. Он старательно закричал, засопел, но ответа на вопрос придумать не смог. Только усердно хмурился да размахивал невпопад рукавами, сбивая с толку Мороза Васильевича. А тот зачем-то внимательно разглядывал макушки деревьев. Холод Иванович поспешил за ним по узкой лесной тропинке и тоже захотел узнать, что же интересного нашел тот в темной вечерней выси.

– Не иначе, ты совсем свихнулся от этого снеговорота. Что ты ищешь на елках-то?

– А погляди-ка, Холод Иванович. Вишь, на тех деревьях снега нет вовсе, а другие вон все в шапках.

– Что тут удивительного! Прошел ветер, смахнул снег.

– А шел-то он в аккурат прямо по этой самой тропинке. Э-эх, голова!

Мороз Васильевич постучал по своей ледяной голове, и звонкий гул покатился по лесу. Снег посыпался с шапки Холода Ивановича. Он пристально поглядел вдаль. И вправду, вдоль дорожки, по которой они шли, тянулись цепочкой «раздетые» елки и скрывались в лесной чаще.

– Это же он, Холодоша, натворил. Вот проказник! По этой самой тропинке полетел-поскакал, снег посбивал. Но теперь-то от нас не уйдешь. Эй, давай за ним. Лови пострела!

Мороз Васильевич еле удержал ретивого попутчика за полы его длинной шубы.

– Погоди ты, старый. Куда нам за эдаким шустряком угнаться, да и шибко уж поздно. Вот присядем туточки на поляночке. Небось, утро вечера мудренее.

Холод Иванович удрученно вздохнул, махнул широким рукавом и вместе с добрым другом уместился на большой мягкий сугроб под старой елью. Сон не пошел к нему, и под мирный храп своего соседа он предался чудесным воспоминаниям о делах минувших.

Итак, давным-давно, зим тому много назад, а может, и немного, а всего-то несколько, когда оба были еще довольно бодры и лишь начинали стариться, вобщем на самое на Крещение стояли морозы, ох, какие ядреные. Разгулявшиеся выюги и бураны властвовали тогда на зимушкинских просторах, а бедному населению приходилось прятаться от холода по избам. Даже старикам-холодовикам приходилось туго. У Мороза Васильевича сильно ломило его ледя-

ную спину, а Холод Иванович, все время охая и ахая, натягивал сдуваемую ветром шапку. В ожидании лучших времен они предпочитали отсиживаться в глухом сосновом бору, в расщелине скалы. Холод Иванович, глубже кутаясь в бесчисленные складки шубы, прижимался в надежде согреться к холодному боку товарища, а тот все время поглядывал в небо, пытаясь угадать перемены погоды. Но суровое хмурое небо не сулило никакого потепления ни на Федосью, ни и на Татьянин день.

Но как-то раз жестокая метель успокоилось, тучи все бесследно пропали, и миллионы звезд, больших и малых, украсили ночной небосвод. Вдруг одна из них, самая маленькая и самая яркая, сорвалась с темного купола и, оставив своих золоченых подружек, упала вниз, на землю, да не куда-нибудь, а прямо в зимушкинский пруд. Раздался звонкий треск, будто разбилась сразу дюжина хрустальных пластинок. Еще какое-то время звездочка продолжала слабо тлеть на льду, а потом и вовсе погасла.

Первым спохватился Мороз Васильевич. За ним и Холод Иванович, тяжело кряхтя и отдуваясь, поспешил к пруду. Там они увидели свежую прорубь и следы чьих-то маленьких ножек, убегающие в лес.

– Это кто же мог вылезти из ледяной воды и убежать? – недоумевал Холод Иванович.

В тот самый миг они услышали где-то за кустами звонкий озорной смех.

– Это кто же над нами потешается? – недоумевал Мороз Васильевич.

И оба приятеля пустились по следам неведомого беглеца, но сразу же сбились с пути в ночной мгле, так и ничего и не узнав.

А на пруд уже спешили добропорядочные зимушкинские жители: бабы – с метлами, мужики – с вилами, мальчишки – с рогатками и громким улюлюканьем. Это неслыханное событие многих побудило покинуть теплые дома и выскокить в мороз на улицу, чтобы увидеть своими глазами чудо, а уже на другой день рассказывать о нем соседям, дорисовывая невероятными выдумками и небылицами. Но никто так и не узнал в ту морозную ночь разгадку маленькой звезды. Она так и осталась притчей в устах матушек, в утеху малых ребятишек.

А после этого случилось как-то старикам заночевать возле небольшой деревушки под названием Шаповские Лужки. Там, в пойме реки Зимки, на широких заснеженных заливных лугах, вечными гостями были ветра да метели. И в тот раз тоже сильнейшая вьюга совсем не собиралась униматься. Что делать? Пришлось старикам улечься прямо посреди снежной завихури. Им ли привыкать к эдакому?

Первым проснулся Холод Иванович, проснулся и стал блаженно потягиваться в ласковых лучах наступившего утра. Он открыл глаза. Вокруг тишина и покой, никакого ветра, на зимнем небе радостно светит солнце. Старик слад-

ко зевнул, но так и остался сидеть с раскрытым ртом: перед ним всего в двух шагах стоял маленький озорного вида мальчишка в легком голубом кафтанчике, стоял и насмешливо улыбался ему. Не успел тот о чем-нибудь подумать, как внушительного размера снежный ком залетел ему прямо в раскрытый рот.

– Ха-ха-ха! – послышалось вслед за этим, и суровым ледяным ветром повеяло на Холода Ивановича и разбудило Мороза Васильевича.

Однако проделки маленького озорника еще не закончились. Он начал отчаянно хлопать в свои белые звонкие ладошки, и налетевшая внезапно вьюга тут же запорошила всю округу. В снежном мареве ничего не было видно. Громко чихали и с трудом отдувались несчастные старики, а когда вихрь стих, увидали, что лежат беспомощно на большом сугробе и встать не могут. Зато мальчишка-шалунишка скачет вокруг них да, знай себе, заливается смехом.

– Ты кто такой есть? – недовольно спросил Холод Иванович и пригрозил ему снежной рукавицей.

– Холодоша! – звонко ответил тот и все продолжал смеяться.

– А откуда ты взялся такой-растакой? – с любопытством поинтересовался Мороз Васильевич.

– С неба! – задорно восклицает мальчишка, но старики лишь хмурили брови да качали сердито головами.

– Я из звездочки родился,
В ветерок я обратился.
Не плохой я, а хороший
И зовуся Холодошей, —

выпалил он разом.

Тут уж и холодные стариковские сердца размякли,
на строгих лицах заиграла улыбка.

– Так ты, стало быть, из той самой крещенской звезды
рожденный, что в пруд упала?

Мальчишка радостно закивал.

– Да уж... Чудесно рожденный, ты и есть мастер на чудеса
всякие: вьюгу веять да ветер нагонять.

Мороз Васильевич все сидел в задумчивости, разглаживая
свою ледяную бороду. А Холод Иванович так и оставался
с открытым от удивления ртом.

– А давайте дружить! – радостно предложил Холодоша.

Старики переглянулись и, не сговариваясь, оба протянули
ему свои большие холодные руки. Так и сошлись-сдружились
они с маленьким озорником и стали почитать его навряд
де внука и своего подмастерья в их трудном холодецком
ремесле. Бывало, не хватит Холоду Ивановичу по его стариковской
нерасторопности силы замести снега на высокую сосну
или березу, он и попросит:

– Холодоша, похлопай в ладоши.

И легкий шаловливый ветерок под звонкое хлопанье
маленьких ладошек поднимается снежной лавиной выше дере-

вьев и осыпает серебристыми искрами все-все вокруг.

– Холодоша, похлопай в ладоши, – скажет Мороз Васильевич.

И ледяной ветер налетает на малый ручеек или реку и затягивает прочным мостом – ступай, не упадешь.

– Ты нас, милый, слушай, мы худому не научим, – увещевали старики. – Ты зазря-попусту не метель, снега ненароком не поднимай, дороги не ледени. И силу-то, слышь, силу береги.

Однако стариковские премудрости не очень-то приживались в сердце маленького баловника. Он все больше любил поиграть да поозорничать, чем делом заняться. Потехи ради хлопал в свои чудесные ладоши и засыпал снегом все подряд: то лисью нору, то расчищенную санную дорогу, то стог сена, то погреб во дворе доброго селянина. А раз заледенил прорубь на речке, где бабы белье полоскали. И те причитали потом весь день, посылая всякие напасти на голову шалуна.

А тому все с рук сходило. И долго не могли Холод Ивановичем с Морозом Васильевичем сердиться на маленького проказника то ли потому, что по своей душевной природе добрыми были, то ли потому, что понимали – не обойтись им теперь без Холодошиной помощи, то ли потому, что звонкий, полный радости смех подкупал их ледяные сердца.

Так или иначе, а год шел за годом, зима за зимою, старики старели, а Холодоша рос, но не делался ни взрослее, ни серьезнее.

И вот в рождественские праздники близ романовской усадьбы и бедокурил он в самый раз. Проснувшись поздним утром, уставшие, измотанные старики к своему ужасу обнаружили, что сидят по пояс в снегу, а их сугроб превратился за ночь в огромную снежную гору. Было ясно, чьих это рук дело. Лицо Холода Ивановича нахмурилось, а у Мороза Васильевича крепко сжались ледяные кулаки.

– Ха-ха-ха! – услышали они над головой звонкое заливи-стое эхо. И по макушкам деревьев поскакал мальчик в голубом кафтанчике.

– Холодоша, ты куда? Не убегай, мы все простим!

А того уж и след простыл. Маленького озорника трудно было удержать подле себя мирным старикам. Его непрестанно тянуло в другую сторону – к ребятам, в Зимушкино, туда, где веселые шумные игры, крутые горки, снежные бабы и громкий мальчишеский смех.

Как-то дело было на Афанасия. С утра стоял добрый мороз. На улицах ни души. Даже собаки попрятались – не лают, петухи на заборы не садятся – зарю не кричат, волк из логова не вылезет – стужу пережидает. И лишь к полудню погода разгулялась: небо повеселело, над Зимушкиным выглянуло яркое солнышко, позвало ребятишек на прогулку. Но мороз не отступал.

Акулина, Ванькина мать, затеяла было еще с утрастряпню – хлеба напечь, хватилась, а воды-то не натаскала. Думала мужа своего Федора послать, да тот в кузне пропал на весь

день. Так оттуда веселый перестук и слышится. Пошла Акулина в горницу – покликать кого из ребят, а там и вовсе ни кого нет. Будто мор какой напал. Женщина перекрестилась на образа да и стала присматриваться повнимательнее. Глядь, а детишки ее кто на полатах, кто под лавку залез, кто в углу втихаря спрятался – рогожею прикрылся.

Учинила тогда мать строгий допрос детям, что, мол, это за безобразия такие. Дети в слезы. Это Ванька старшой напужал всех. Он, дескать, увидал за печкой домового. Те глянули – впрямь, из темноты угла высовывается огромная голова с зеленой бородой.

Однако Акулина не шибко-то поверила и пошла сама посмотреть, что к чему.

– А, так вот где мой горшок из-под каши! Намедни обыскалась его. Слава богу, нашелся родимый. А чтой-то навешано тут?

Ребятишки робко потянулись вслед за матерью. Из-за печки в углу на них «глядел» необычный предмет, затянутый паутиной: пустая глиняная посуда, к которой для пущей важности был прилеплен умелой рукой кусок замшелого мха и посажены два глаза-уголька.

– Вот разбойник! Вот я ему задам!

Да не тут-то было. Самого Ваньки нету нигде. И шубейка его овчинная, и валенки тоже пропали. Мать только вздохнула и махнула рукой.

А сам «разбойник» тем временем победоносно восседал

на корявой палке, предводительствуя войском таких же отчаянных оборванцев, как и он. Мальчишки и девчонки с разных дворов да белая собачонка с рыжим ухом, несмотря на жгучий мороз, с громким улюлюканьем вслед за Ванькой гоняли по пустынным заснеженным улицам. У одних в руках были рогатины, на головах деревянные плоски, чтобы меч боевой не достал, у других имелись собачьи цепи да лыковые плети – вражину вязать, третьи же так запросто, с голыми руками шли в бой. Даже самая меньшая девчонка Машка бежала за всеми, не отставая, да еще со своей «лялькой» – поленом, затянутым в холстину.

Однако в безлюдный холод никакого противника так и не удалось повстречать. Долго еще скакало лихое войско по окрестным дорогам, распугивая кур и дразня сторожевых псов. Наконец примчалось к крутому берегу реки Зимки – любимому месту всей сельской детворы.

Ах, до чего хороша замерзшая Зимка! Лед на ней крепок, не пробьешь, точно чугунный засов на воротах приходской церкви. Самая серединка, раскатанная доброй сотней детских валенок, гладкая и прозрачная, будто стекло в большом окне господского дома. А какие пушистые сугробы на берегах! Так ни Тишкина, ни Аришкина, ни Ванькина мать не взобьет пуховую перину. Купайся в этих снегах, сколько душа пожелает! Правый склон реки пониже, зато левый, на той стороне, крут необычайно и раскатан так, что не устоишь. Только надобно быть поосторожней. У самого

края большая полынья с хрупким ажурным ледком по кромке. Над водой белая дымка, словно пар из бани.

И тишина, и покой, и ни единого звука! Только вот две бабы, прополоскавшие в проруби белье, идут, покрасневшие от мороза, и распевают зычно на всю округу:

– Ой, зима морозная,

До чего ты грозная!

Но тебя я не боюсь.

Ты морозом не страши,

Не выюжи, не пороши.

Не боюсь!

Да еще тихий шорох проезжающих саней да мелодичное позванивание березовых дровишек нарушали вековую тишину величавой реки. Мужичок, ведший сани, мирно задремал, и его гнедая лошадка шла бездорожьем, прокладывая свежие следы на чистом мягком снегу.

А потом безмятежное спокойствие было нарушено веселым чертыханием двух снегирей-красноперок, подравшихся из-за просяного зернышка.

– Чур, мое, – чирикнул один.

– Нет уж, это чересчур, – перечирикнул другой.

Но их, к несчастью, спугнул неповоротливый жирный гусь, пришедший сюда поплавать. Он медленно перешагивал, раскачивая круглыми серыми боками. И лишь ступил своими красными лапами на скользкий лед, как был встревожен откуда ни возмись заливистым собачьим лаем, стреми-

тельно ворвавшимся во владения тишины. Это мчался рыжеухий пес Вершок, преследуемый ватагой зимушкинских ребят. Шум и гам наполнил всю окрестность. Птички вспорхнули и улетели. Мужичок в санях проснулся и, подхватив удила, поспешил выехать на дорогу. А бедный гусь, неумело ковыляя, с трусливым гоготаньем зашлепал прочь спасать свою гусиную шею.

Детвора всей гурьбой весело скатилась вниз, подняв клубы белой пыли, и в изнеможении повалилась прямо на лед.

– Эй, вы, тюхи-матюхи... Вставайте! – задорно закричал Ванька-предводитель. – Вы от холода замерзнете, дурачье.

И стал закидывать ребятам снег за шкуру. Закидывает, а сам дразнит:

– Афанасий да Кирилло забирают за рыло.

А те тоже не отстают. Красными от мороза руками Гришка и Тимошка, самые сильные, пытаются схватить Ваньку за нос.

– А Макар да Амос зажимают за нос, – приговаривают они.

– А я знаю. Это примета такая будет. Нынче Афанасий-ломонос: зима лютует, – растолковывает маленькая Машка.

Но мальчишки ее не слушают. Они сами почему зря лютуют. Знатная потасовка учинилась: снегом сыплют, палками друг друга валтузят, шишками кидаются, головой в сугробы зарывают. То-то славно!

Но вдруг разудалую бойню прерывает чей-то незнакомый

пронзительный свист. Все вмиг останавливаются и напряженно смотрят вдаль. Там, на высоком крутом берегу, стоит во весь свой огромный рост здоровый рыжий парень с увесистой дубиной, а за его спиной целая куча таких же крепких ребят с клюками и палками в руках и отчаянной смелостью в глазах.

– Это же шаповские... – тихо шепчет кто-то из зимушкинского войска, и маленькие бойцы, не сговариваясь, начинают теснее прижиматься друг к другу. О шаповских ходят среди них недобрые слухи.

Но задорный крик Ваньки-пострела выводит их из оцепенения:

– Эй! Не бойся, за мной! Бей басурман!

И завязывается нешуточный бой. Если бы не крутой и скользкий берег Зимки, на котором не смогли удержаться нежданные пришельцы, не миновать бы маленьким героям гибели. Неприятель, свалившись с ледяного склона, долго не мог подняться на ноги, преследуемый решительными ударами защитников реки. Однако силы были неравны, обидчиков оказалось куда больше, и, вопреки всем честным правилам войны, они к тому же пошли на обман. Самый заглавный из них – рыжий с дубиной – поднял вверх руки: мол, сдаюсь, не губите. А сам как набросится на Ваньку и давай его молотить по голове своими кулачищами. А потом как замахнется дубиной на ребят – те так и полегли наземь. А врагу того только и надо, и кинулись шаповские в атаку.

Ох, не сдобровать бедному Ваньке и его товарищам! Еще немного, и полягут они геройски на холодном льду, и будут плакать о них матери. Но произошло нечто: сначала все услышали странный звонкий смех, а потом громкие удары в ладоши. В пылу борьбы никто не остановился. Однако за этим последовало то, что не увидишь и в самую дурную непогоду. Сумасшедшая вьюга, взявшаяся как из-под земли, приподняла в воздух непрощенных гостей вместе с рыжим мальчишкой и его дубиной и, громко взывая, понесла назад, к Шаповским Лужкам, на удивление и радость местных ребятишек. А смех все звучал ледяным колоколом где-то вдалеке и обдавал нездешним холодом. Дети невольно поворотили головы.

– Это ты их так отколышматил? – Ванька недоверчиво глядел в бледное лицо незнакомого мальчика в голубом кафтанчике.

– Я! – звонко ответил тот и в подтверждение своих слов еще раз хлопнул в ладоши.

Вновь поднялся резкий сильный ветер и, сбив ребят с ног, полностью развеял их сомнения.

– Давайте дружить. Меня Холодошей звать. А вас?

Но все молчали, не успев что-либо сообразить. А тут еще из лесу выскочили двое странных пришлых стариков: один в ледяной шубе, другой в снежной. Сильно запыхавшись, они причитали в сердцах:

– Ах, вот ты где, негодник!

– Ой, это, кажется, за мной, – весело отозвался Холодоша. – Мы еще увидимся. Ха-ха-ха!..

Долго-долго звонким эхом звучал его смех на берегу реки. Ребята все стояли и молчали потрясенные, не зная, верить или нет тому, что увидели.

Дни пробегали за днями, ветра дули за ветрами, снега мели за снегами. Вот и февраль-сечень пришел в Зимушкино – метель сечь да дороги замечать. Морозы еще круты, а дороги уже блестят от тележых полозьев. Того и гляди, солнце выступит на небо да коснется замерзшей земли своим веселым лучом.

Только в лесу зима пока в силе: сугробы велики, льды круты, пурга и мороз все не отступают, надолго не утихают. А старики-холодовики знай себе усердствуют, дело свое делают да и маленькому Холодоше спуска не дают.

Он мальчишка, конечно, прилежный, всюду за стариками поспекает, а то и вперед их по своей отроческой резвости убегает. А те, бывало, еще и до полянки не доковыляют, а там уж Холодоша похлопотал: в ладоши похлопал – землю голую укутал, пни и кочки снегом прикрыл, деревья, кусты инеем обрядил да и хохочет себе. Отдыхайте, мол, дедки, все и так поделано. А они все диву даются да радуются про себя за своего помощника.

Но лишь прилягут вздремнуть на часок – время скоротать да косточкам отдыху дать, как озорника и след простыл. Снежным вихрем долетает он до села – и сразу к ребятам.

Долго ли коротко ли, а сдружился он с ними крепкою дружкой, а все больше с Ванькой, что у ребят заводилою. Теперь они уж вдвоем бегают впереди шумной толпы и торопятся переиграть во все веселые игры. Шустрый Холодоша многому научился у них.

Станет в жмурки с завязанной на глазах тряпицей бегать за мальчишками, да все больше на заборы и деревья натывается под радостный хохот ребятни. В другой раз пойдут в прятки прятаться – кто под амбар залезет, кто на гумне схоронится. Холодоша не промах, всех сыщет. А в чехарду скакать, и в горелки играть, и в салки гонять ему и равных нету. Не успеют ребята оглянуться, а он уж за версту улетел с попутным ветром – поди, догони его. Или на высокую сосну заберется – найди его, неуловимого, там. А он все смеется своим звонким смехом и в ладоши хлопает – на друзей снег насыляет.

А еще Холодоша никогда в отличие от других не мерз и не торопился отогреть промокшие ноги в теплых валенках. Во всем же остальном он был со всеми на равных, ничуть не зазнавался и не хныкал. Ребята уважали его за это и любили за веселый нрав.

Зимою вечерам темнеет рано. На горку не выйдешь, в темном переулке не погуляешь, а в лесу-то и того страшнее. Соберутся, бывало, ребята на чьем-нибудь крыльце или на завалинку сядут и давай всякие рассказы рассказывать, один чудесней другого. Тишина кругом, и Холодоша сидит, не ше-

лохнется, все ему в диковинку.

– А слышали вы в прошлом годе? – начинает Ванька. Он старшой, ему завсегда и начинать. – Поскакал в прошлом годе староста наш церковный отец Петр...

– Это ентот батюшка наш, кривой который? – интересуется кто-то из ребят.

Все знали отца Петра, добр он был ко всем, а Ваньку даже грамоте выучил.

– Он самый. Поехал он, стало быть, в церкву Спасо-Николинскую на святки службу служить. Да не по деревне-то поехал, а прямою дорогой – через лес, стало быть. А в лесу заплутал, горемычный, и не упомнит, как затемно сделалось. Глядит, а дороги-то и нету вовсе. Замело разом. И что чудно, ветра-то ведь не было. А?

«Это Холод Иванович,» – смекает Холодоша.

– Вышел он на поляну широкую, а посередь ее большущий дуб стоит. А посередь дуба дупло. А из дупла скрип тягостный, будто кости скрипят стариковские.

«Это Мороз Васильевич,» – думает про себя Холодоша.

– А ночь темным-темна. И никого вокруг – ни живого, ни мертвого. И тишина какая жуть!

Ребята еще больше попритихли, уши наострили. А в деревне вечер глухой: коровы не мычат – сытые в скотинниках стоят, собаки не брешут – под амбары от холода попрятались, петухи голоса не подают – по курятням давно уж хозяйками позапрятаны.

Лишь маленькая птичка- синичка желтогрудая прилетела бог весть откуда, с ветки на ветку перескакивает, ближе к девчонке подлетает, головку наклоняет – тоже послушать хочет.

– А из дупла того, слышь, лешак выскакивает, а заместо одежи – кора. А заместо рук – ветки, а заместо головы – гнездо совиное. А ног-то и нету вовсе. Ствол да и только. Ствол да и с корнями. Леший страсть как глядит на Петра и говорит по-человечьи: « Дай мне, говорит, одну ногу. Вишь, мол, у тебя их две, а у меня и вовсе ни одной.»

– А что тот? – шепотом спрашивает маленькая Машка.

– А что тот? Батюшка-то и не растерялся, смекнул зараз и заклинание святое изрек: «Старик-лесовик, ты к лесу, а я к дому привык. Тебе-то дупло, а мне и дома добро. Убирайся откуда взялся.» И крестом осенил себя вот так.

И Ванька показал, как крестился Петр.

Холодоша аж рот раскрыл от удивления. Шапка с него слетела. Он и не замечает. Снежинки падают ему на вихры, падают и не тают.

– Вотсе и не лесовик это был, – встряла в разговор конопатая девчонка Лушка. – А это русалка была лесная. Она на осине сидела, а не на дубе, да! И пела...

– Враки это! – запальчиво возразил Ванька.

– И не враки. А маменька мне сказывала. А ей кума ейная Глашка. А Глашке-то сам батюшка, он причащал ее.

– Да-да, русалка с хвостом рыбьим. Ей богу! – вмешался в разговор худенький долговязый мальчишка Гаврила. – Ви-

дал я сам давеча следы чешуйчатые на снегу в том перелеске. Тудысь с батяней за хворостом в самый раз хаживали.

– И шепчет русалка Петру: «Отдай свою ногу. У тебя их две, а у меня и вовсе никакой», – тоже шепотом проговорила Лушка, и конопушки у нее на лице зашевелились сами собой. – И обчертил вокруг себя батюшка трижды круг, чтобы нечисть не тронула его.

Холодоша замер и не дышит совсем, не заметил даже, как снегом ножки его засыпало.

– И вовсе не так было, – заговорил какой-то незнакомый мальчишка. – А была там черная ворона. Вот такая... – Он широко развел руки. – И как каркнет: «Кар! Кар! Кар!»

Мальчишка захлопал руками, как крыльями, и запрыгал на одной ноге. Детвора засмеялась.

– Что смеетесь, дурачье? Ворона-то была не ворона.

– А кто?

– А бес ее знает... Только говорит она человеческим голосом: «Отдай мне свою ногу!» А опосля об землю как ударится. И обернулась...

– Кем? Кем? Царевной?

– Не... Ведьмою с костяною ногой.

– Оборотень! Это оборотень! – воскликнуло сразу несколько голосов.

– Во-во! Оборотень и есть. И плюнул он три раза да через левое плечо. Вот так: тьфу, тьфу, тьфу...

– Кто плюнул, оборотень?

– Сам ты оборотень! Отец Петр плюнул, вот кто.

– Бабкины сказки все это, – возразил кто-то.

– И не так было...

– Мне лучше знать!

Голоса ребят слились в один громкий гул. Спор разгорелся горячий, готовый перейти в войну. Холодоша вышел из оцепенения. Он только сейчас заметил, что уже по колено в снегу.

– Цыц, нехристи! – гаркнул строго Ванька.

Хор голосов мгновенно умолк, снег слетел с Холодошиных сапожек, синичка-желтогрудка встрепенулась и улетела.

– То-то что никто и не ведает, как оно все было...

Дети призадумались. Всем известно было лишь то, что случилось потом. Не знамо как, а наутро нашли батюшку мужики, далеко в лесной чаще нашли. Ходили на охоту и его увидали. Едва отогрели несчастного. А вот после того он и в самом деле стал хромать.

Ребята молчали, не решаясь спорить с очевидным.

– Ну и чудно у вас все! – первым нарушил тишину Холодоша своим звонким голосом.

Все разом оглянулись. В пылу спора никто не вспомнил о его существовании.

– Сколько-то вам всего ведомо, сколько-то у вас чудес случается. А вот я... А вот мне...

– Тебе ли грустить, тебе ли горевать об том! – разволновался Ванька. – Ты же ведь сам чудо и есть! Ты нам об себе

лучше чего поведай, а мы зараз и послушаем и потешимся.

– Да что мне о себе рассказывать-то? – неуверенно произнес снежный мальчик и вопросительно посмотрел по сторонам.

– А что хошь рассказывай, хошь были, а хошь небылицы.

– Откуда ты есть взялся и чем живешь...

– И что ешь и что пьешь...

– Давай, Холодоша, не томи!

Ребята одобрительно закричали. Дюжина пар серых, карих, черных, голубых глаз пытливо уставилась в прозрачные печальные очи Холодоши.

А ему было чего рассказать. Поведал он, как был рожден однажды в морозную крещенскую ночь от маленькой яркой звездочки, упавшей с неба в зимушкинский пруд. Как долго скитался по лесам и перелескам, покуда не встретил двух добрых стариков-холодовиков. И как те научили его ум-разуму: деревья снегом укрывать, землю голую укутывать, на речке мосты леденить. Рассказал про то, как делил с ними ночлег, устраиваясь на пушистых сугробах или под широкими еловыми лапами. Про то, как питался снегом и лакомился сосульками. И что любимым делом его было скакать по высоким макушкам сосен да распутывать заячьи следы.

Теперь уж пришел черед детворе диву даваться. Мальчишки и девчонки рты пораскрывали, сидят, не шелохнутся, слово пропустить боятся. И не видят, что время уже позднее, ночь на пороге.

На небе зажглись первые звезды, месяц зеваает, покачиваясь в своей темной колыбели. Пар из труб тянется к нему тонкими высокими струйками. В наступившем безмолвии ни лая собак, ни крика птиц. Так хорошо!

Но покой недолог. Со всех сторон слышатся громкие нетерпеливые голоса:

– Эй, Машка, домой!

– Эй, Лушка, ворота закрывай!

– Эй, Гаврюшка, воды натаškai!

– Эй, Ванька, дров накопи, сена наноси!

Ребята нехотя расходятся по дворам. Лишь Холодоша остается один-одинешенек. Ему и идти-то некуда, сидит, понурый, на заборе и надувает огромные сугробы снега.

– Что пригорюнился, Холодоша? – услышал он знакомый голос.

Это Ванька задержался у калитки. Холодоша посмотрел на него внимательно, решает, спросить у него или не спросить.

– А знаешь, Ваня, – наконец произнес он, – я вот об чем все думаю, знать хочу. Кто такая Ляля, девочка в красивой шубке, с салазками резными и с нянькой французской?

– А! Это из Романова села, что ль? Эх, тебя занесло-то. Ну и нашел об ком тужить. Она ведь девчонка да еще и барынька. Не чета нам с тобой...

Он хлопнул Холодошу по плечу. Снежинки так и посыпались с плеча на землю.

– Не бери ты в свою ветрянную голову. Слышь, что тебе говорю? А случай будет, и сам с ней познакомишься. А то и не рад будешь. Эх, девчонка...

А случай, и впрямь, вскоре выпал. На Сретенье собрались ребята на завалинке во дворе Ванькиной избенки, прямо подле самой кузни, и Холодоша, конечно, тоже с ними. День выдался добрый, солнечный. Затеплило крышу, затенькали робкие капли с больших сосулук, звонко ударяя о порог. Зачирикал на ветке серый воробышек, забыв, что еще зима на дворе. Пес Вершок с задорным лаем гонял неповоротливых кур по задворью. Из кузницы доносились мелодичные удары звонкого молота, послушного в руках Федора-мастера. По улице прошел парень с гармошкой в руках, распевая на все село зычным голосом:

Моя милая да красивая,
Покажися.
Обниму и приголублю,
Улыбнися.

В окнах изб появились лукавые улыбки, послышались насмешливые девичьи голоса.

И ребятам на завалинке было радостно и волнительно.

– Сегодня Сретенье – зима с весной встретились, – сказал кто-то из них.

– Шуба на кафтан поменялась, – подхватил другой

– Небось, масленица скоро, зиме конец. То-то хорошо бу-

дет.

Холодоша слушал, слушал задумчиво и спрашивает:

– А почему хорошо это?

– Как почему? Ведь весна придет – тепло принесет.

Неужели в толк не возьмешь?

Холодоша и в самом деле не мог понять, чему радуются ребята. С печальной грустью глядел он куда-то вдаль.

– А давайте лучше загадки загадывать, – нарушила вдруг тишину маленькая Луша. И первая начала своим тоненьким голоском. —

Скатерть бела

Весь свет одела.

– Это Холод Иванович снега рукавами намел, – быстро додумался Холодоша. И опять погрузился в равнодушное уныние.

– А кто мою отгадает, тот селезня поймает, – подхватил Гаврюша. —

Без рук, без топорища

Выстроен мостище.

Крепко призадумались ребята.

– Так это ж Мороз Васильевич льда ногами настучал у нас на речке-то, – опять догадался Холодоша.

Тогда Машка подмигнула Сашке, а Сашка подмигнул Пашке. А тот и говорит:

С заутреней весь день

Стужа да метель,

Вьюга да пороша.

Кто там?

– Холодоша! – вдруг разом ответил хор голосов.

А Холодоша засмутился и неосторожно хлопнул в ладоши. Одна из толстых сосулек оторвалась и со звоном разбилась о крыльцо. Тогда Ванька решительно вышел вперед.

– Это вы все пустячные загадки загадываете, и раздумывать нечего. Вот вам моя потруднее будет:

Стоит дом в двенадцать окон,

В каждом окне по четыре девицы,

У каждой девицы по семь веретен,

У каждого веретена свое имя.

Мучительное непонимание появилось на лицах у ребят. Так никто и не смекнул, что это был за дом и что за девицы в нем.

– Эх, вы! Неужто не распознаете? Ведь все просто. Мне загадку ту отец Петр сказывал. Это целый круглый год, как он есть: прежде шел декабрь-студень, давеча январь-просинец, нынче февраль-сечень, за ним март-протальник – снег потает, а там уж и апрель с маем, а там...

– Не может быть! – воскликнул Холодоша. – Как такое бывает? А куда ж зима девается, и снег, и мороз...

Он растерянно смотрел по сторонам, а ребята, глядя на него, весело улыбались.

– Эх, темнота! Так ведь там-то другие гости пожалуют – весна ясная да лето красное, а зима-то твоя и кончится.

– А я?.. А меня?..

Что-то горькое и жгучее наполнило трепетную ледяную душу маленького Холодоши. Ребята молчали и с любопытством смотрели в его грустные глаза.

– А и впрямь. Куды ж ты деваешься? – недоумевал Ванька.

Холодоша ничего не мог ответить. Он знал, что, когда отступали морозы, на него находила непреодолимая тоска и дремота, и он забирался в глубокую расщелину под скалою, где бился беспрестанно ледяной родник, закрывал свои прозрачные глаза и засыпал надолго-предолго. Но теперь, когда с ним так много хороших друзей, с которыми так весело, так радостно, он и думать не хотел о скором исходе зимней сказки.

Ребята тоже молчали, не зная, чем помочь. Тягостное раздумье прервал внезапный перезвон бубенцов.

– Никак, барская карета, – догадался кто-то. – Чего бы ей здесь делать?

И впрямь, ко двору Ванькиной избенки от самого конца кривой немощеной улицы неслись дрожки, запряженные тройкой разудалых гнедых.

– Тпру-у! – крикнул кучер, когда кибитка поравнялась с кузницей. Кучер, в красном армяке, с кнутом, заткнутым за кушак, с важным видом соскочил с козел и направился к дому.

– Эй, ребята! Где бы мне хозяина кузни разыскать, ась? – обратился он к детворе.

Все наперебой стали громко кричать ему. На поднявшийся шум выбежал кузнец – отец Ваньки, с длинной курчавой бородой, в большом черном фартуке, в рукавицах и с молотом в руке.

– Чем могу быть полезный? – первым спросил он.

– Да вот, у коренной лошадки на заднем-то копыте подковка отлетела начисто. Да и кибитку посмотреть надобно. Чтой-то шатает ейную во все стороны дюже лихо. Кабы не развалилась вовсе. Справишься ли, добр человек?

– Поглядим, – буркнул в бороду Федор и, засучив рукава, пошел следом за хлопочущим кучером.

Мальчишки и девчонки, все, как по команде, замерли на месте и стали следить за происходящим. Не каждый день такое случается.

Меж тем кузнец начал осматривать господскую лошадь, а кучер, тяжело переваливаясь, степенно подошел к карете и открыл дверцу с позолоченной ручкой. Из кареты вышел высокий красивый господин в длинном черном пальто, в черной шляпе, в кожаных перчатках и с тросточкой в руках.

Ребята смотрели, не моргая, боясь хоть что-то пропустить.

– Чего изволите-с? – низко кланяясь, осведомился извозчик. – Не желаете-с в избу пройти? Я мужика кликну...

– Нет, нет, голубчик, не беспокойся. Я вот только с дочуркою прогуляюсь по улице.

Барин вытащил из кармана толстую сигару и, закурив,

обернулся к карете:

– Эй, Ляля, Лялечка! Выйди-ка, посмотри, сколько ребят здесь.

Из кибитки, не торопясь, вышла хорошенькая девочка. Холодоша не сразу узнал ее. Это была та самая маленькая барышня, которую он видел когда-то в селе Романово вместе с няней. Сейчас она казалась еще красивее, еще румянее. На ней была теперь другая, более изящная, затейливая шубка, маленькая пушистая муфточка, новенькие блестящие сапожки. А в руках... в руках была зависть всех зимушкинских девчонок – самая настоящая кукла, фарфоровая, с глазками, в нарядном шелковом платьице и с атласной лентой в волосах. Жадные взоры детей были прикованы к игрушечному чуду. Ляля крепче прижала к себе куклу и робко придвинулась к отцу.

– Ну, ну... Чего ты боишься? – ласково подбодрил он.

Тут ее взгляд встретился с ясными, светлыми глазами Холодоши. Она вдруг осмелела, шагнула вперед и улыбнулась тихой доброй улыбкой.

– Ну, все, барин. Кажись, и готово, – прервал молчание Федор. – Подкову подбил, а у кареты вашей, как есть, спица поизношенная вся. Я-то ее, родимую, закрепил, как мог. Да она, стало быть, долго не протянет. Менять ведь надобно. Так-то.

– Спасибо тебе и на том, голубчик, – сказал барин и сунул ему в руку пятак.

А кучер торопился снова запрячь коней и уже подсаживал господ в кибитку.

– Иди, не толкайся тут. Вишь, господа ехать желают, – резко прикрикнул он на Федора.

А тот стоял, неловко сминая шапку, и долго кланялся вслед уезжающей карете с бубенцами.

Досадно стало ребятам, что все так быстро закончилось. А у Холодоши острый ком подкатил к горлу, и необъятная грусть охватила его ледяное сердце. Из маленького окошка кареты глянуло на него ласковое лицо Ляли с мягкой доброй улыбкой. Ляля помахала рукой ребятам, но Холодоше показалось, что она помахала именно ему.

Вскоре тройка вовсе скрылась из вида, унеся с собою звон бубенцов, а Холодоша все стоял посреди дороги и глядел в бесприютную даль длинной неровной дороги.

Медленно и тоскливо потянулись дни. Все больше пригревало солнышко, все шире растекались лужи, в них капали тяжелыми слезами толстые сосульки с крыш, все ниже проседал старый пожухлый снег.

Грустными сделались и Холод Иванович с Морозом Васильевичем. Они часто охали и все жаловались:

– Уходит наше время.

А Холодоша целыми днями молчал, был угрюм и задумчив. Ему уже не хотелось бегать в деревню к ребятам, забыл он про свои прежние шалости и забавы. Как старичок, вяло бродил он по лесам, низко опустив голову и едва поспевая

за своими наставниками.

А однажды он и вовсе не заметил, как отстал от стариков где-то на лесных перепутьях. Глядит, а перед ним широкая поляна. А посреди поляны зайчишка сидит, глаза раскосые, одно ухо длиннее другого. Трусишка прижал ушки, дрожит, моргает от страха. Ему бы убежать, да некуда – справа канава, слева бугор, а позади ручей журчит, вода в нем звонкая бежит.

Холодоша тихо улыбнулся:

– Не бойся, косой, я тебя не трону, я помогу тебе.

И Холодоша стал хлопать в ладоши, чтобы ветер направить, зайку на тот берег перегнать. Хлопнул он раз, хлопнул два... Но вышел только глухой мягкий шелест, будто встрепнулись тонкие воробьиные крылышки. Холодоша глянул на свои ручки, а они-то будто не его – теплые, розовые, с капельками воды, стекающими на землю.

Зайчик с удивлением посмотрел косыми глазками на него и, набравшись смелости, прыгнул через широкий ручей. Однако беляку не повезло, и он угодил всеми четырьмя лапами прямо в студеную воду. Но тут же выскочил, отряхнулся и дал деру.

А Холодоша остался один на поляне.

– Кап, кап, кап... – звенело все кругом.

Становилось нестерпимо тепло, стало трудно дышать. Холодоша почувствовал, что весь горит.

«Неужели я заболел,» – только и успел подумать он и упал

на подтаявший снег.

Он не помнил, сколько пролежал так. Сквозь забытьё до него доносилось тонкое теньканье птиц, радостный плеск ручейка и звон бубенцов проезжающей тройки. Потом где-то совсем рядом послышались тяжелые неторопливые шаги.

– Маленькую барышню из Романово в город повезли на это... как его там будет... на представление, значит, – прохрипел над самой Холодошиной головой знакомый стариковский голос. – В хоромине, стало быть, действие давать будут.

Голос, без всякого сомнения, принадлежал не кому-нибудь, а Холоду Ивановичу.

– Да не в хоромине, а в театре, в самом что ни на есть настоящем, с актрисками и музыками. Так-то вот. Ох, забавно как будет! – это говорил уже другой знакомый старик – Мороз Васильевич.

Старики, вероятно, не заметили лежащего на снегу маленького Холодошу. А он попытался раскрыть глаза, да не мог, хотел вскочить на ноги, закричать во все горло, но голос не слушался его, и ноги будто онемели. Невероятная тяжесть навалилась на него глухой дремотой, и он уже ничего не помнил. Лишь ускользающий звон колокольчиков все звучал в его голове бесконечной непрерывной песней.

Наверное, прошло много времени. Когда же он наконец очнулся, звон все не прекращался, а был еще громче и казался где-то совсем рядом. Холодоша даже услышал тяже-

лый лошадиный храп. Нет, это ему не показалось. Он открыл глаза. Вокруг было темно. «Должно быть, вечер,» – подумал Холодоша. И вдруг страшный треск разорвал вечернюю тишину леса, и что-то большое и темное с грохотом упало на землю. Следом послышалось испуганное ржание лошадей, пронзительный женский визг и тихий жалобный крик, знакомый Холодоше до боли. Он не смог бы спутать его ни с чем. Это был голос Ляли, сквозь слезы просящей о помощи.

Не помня себя, Холодоша вскочил и помчался на шум. Он и не думал, что сам болен и едва держится на ногах. В сгустившихся сумерках не сразу можно было рассмотреть, что же произошло. Большая карета с разбитыми окошками и позолоченными ручками на дверцах лежала, накренившись, застряв боком в ручье. Одно колесо совсем отлетело. Вероятно, возвращаясь назад, тройка в темноте сбилась с пути, и на крутом пригорке соскочила вместе с кибиткой вниз.

– Сейчас, сейчас, барышня, – услышал Холодоша суетливый голос.

Это был кучер. Он с трудом, кряхтя и ругая лошадей за их нерасторопность, пытался открыть неподатливую дверцу. Сердце Холодоши отчаянно стучало. Наконец дверь скрипнула, и наружу выскочила... Нет, не Ляля, а мадам Журит. Вся потрепанная и испуганная, она судорожно всхлипывала. Холодоша кинулся к карете, чуть не сбив с ног и ее, и кучера.

– Ах! – воскликнула женщина и чуть не упала в обморок,

когда увидела бесчувственную Лялю, вытасченную на снег. Девочка не шевелилась, бескровные губы были плотно сжаты. Несчастливая воспитательница нашла в себе силы и наполнила тишину громкими рыданиями.

– Вот уж нехстати вы о княжне, как о покойнице, вое-те. Истинно, барышня-то наша жива, как есть, жива, только промокшая вся. Небося, и очнется, – кучер склонился над неподвижной девочкой и похлопал ее по щекам. Сердце Холодоши сжалось. Ляля с трудом приоткрыла глаза и тихонько застонала. – Вот то-то оно и лучше. А вы, мадам, зазря не кричите. Дитя напугаете. Я в деревню сейчас побегу, тута мигом, к мужикам за подмогой. А вы, стало быть, при госпоже оставайтесь, приглядите за ними. Да вот малец этот вам и подмогнет. Ась?

Кучер тотчас скрылся в ночной мгле, а Холодоша остался посреди темного леса с неподвижной девочкой, ее няней и тройкой лошадей, тревожно всхрапывающих возле сломанной кибитки. Но он и не думал дожидаться помощи, ничего не предпринимая. Не обращая внимания на громкие стенания мадам, он начал действовать. Первым делом натаскал целую кучу еловых веток и, сняв с себя поясок, связал их в огромную охапку. Потом бережно перенес на них бедную Лялю и подложил ей под голову свой кафтанчик, оставшись в одной рубашке. Девочка жалобно застонала. Холодоша ласково погладил ее по голове. Она вся дрожала в ознобе, маленькие руки были холодны, как лед.

Медлить было нельзя. Отважный мальчик ухватился за свободный конец пояса и как можно бережнее потянул за собою этот необычный груз.

– Бедный девочк... Короший малчик... – всхлипывала за его спиной мадам Журит. Она уже больше не кричала и, собравшись с духом, кротко семенила сзади.

Попавшаяся на пути кочка сильно встряхнула обессиленную Лялю, и та на какое-то время очнулась.

«Как странно едут дрожки,» – подумала она, глядя на серое небо и плывущие по нему тусклые звезды. Нет, это были не дрожки. Теперь она ясно увидела, что кто-то тащит ее волоком прямо по снегу. Она испуганно вскрикнула. Человек впереди остановился и быстро оглянулся. В ночном сумраке она увидела знакомое встревоженное лицо.

– Не бойся, Ляля. Это я, Холодоша. Я доведу тебя до дому.

Сзади послышались горькие причитания няни:

– Короший малчик...

Ляля попыталась слабо улыбнуться. Все тело у нее болело, она едва могла шевелиться.

– Ах! – только и сумела обронить она и опустила тяжелые веки.

Возок, раскачиваясь и колыхаясь, двинулся дальше. Но не успели они проехать и сотни шагов, как их слуха коснулся странный жуткий вой. Но это не были причитания мадам, страшные звуки доносились из глубины ночного мрака. Ляля в страхе заплакала..

– Это, должно быть, волк где-нибудь воет. Не бойся, он далеко, – попытался успокоить Холодоша.

– Нет, так плачет ведьма. Я знаю. Мне страшно...

– Это есть плохой фантазий. Это есть вэтер выть, – заключила мадам.

«А, может, и ветер,» – согласился Холодоша и потащил свою поклажу быстрее.

– Ой! – опять встrepенулась Ляля. – Кажется, что-то скрипит. Слышите? Это леший, я знаю, это его деревянные кости скрипят.

– Это глупый выдумка. Это дэрeв скрипэть. Стыдно бояться, – опять решительно возразила отважная няня.

И они продолжали свой путь. Долго еще пробирались путники по безлюдному темному лесу под вой ветра и скрип деревьев, пока какой-то подозрительный звук не привлек их внимание. Они остановились и прислушались. На этот раз им не могло показаться. Где-то совсем рядом был гул человеческих голосов и топот дюжины ног. Шум быстро приближался, и через несколько мгновений лесная опушка наполнилась людьми и ярким светом факела.

Впереди стоял кучер с перепуганным лицом, держа в одной руке светильню, а в другой Лялину муфточку.

– Вот они, родимые! Нашлись-таки...

Галдящие бабы, снующие мужики с вилами и лопатами окружили девочку, чьи-то крепкие заботливые руки бережно уложили ее в крестьянскую телегу, крытую соломой.

– Ну, залетная, пошла! – услышала она окрик кучера и резкий свист кнута.

До нее доносились громкие пересуды толпы и хриплое ржание лошадей. Потом все поплыло перед глазами Ляли и слилось в одну темную, как ночное небо, пелену. Лишь ненадолго приходя в себя, она видела сквозь туман открывающиеся ворота их усадьбы, мелькание прислуги по дому, слышала хлопанье дверей, звон посуды и тяжкие вздохи мадам Журит. Еще помнила Ляля печальные глаза матери, наполненные слезами, ее теплые нежные руки и легкое прикосновение губ у себя на лбу. Незнакомые Ляле люди то и дело подходили к ней, кто-то вливал ей в рот горькую воду.

– Эту вот микстуру давай, матушка, от жару, – говорил чужой басистый голос.

– Хорошо, доктор, – был тихий ответ матери.

– Плеврос мортус... воспаление плевры. Сильное переохлаждение, повлекшее горячку. А вот эти-то пилюли от нервного, матушка, потрясения. Нервос шокос... Так вот-с.

Опять проваливалась Ляля в горячий болезненный сон, сквозь который доносился тот же строгий бас:

– Положение тяжелое... Статус вертес... Сегодня кризис... Терпение, матушка, терпение...

И опять темная бездна и чей-то непрерывный плач. А потом откуда-то из глубины протяжно поющий голос:

– Да упасет господь дочь свою... дабы дитя божие невин-

ное... Господи, помилуй, господи...

Сколько дней и ночей пролежала в горячке Ляля, она не знала. Только однажды утром, проснувшись, она почувствовала себя, почти совсем здоровой. Теплое и радостное настроение было и у нее на душе и во всем доме. Солнце светило по-весеннему ярко и настойчиво пробивалось сквозь плотные парчовые шторы на окнах. Один самый проворный лучик, скача по паркету, забрался к ней на подушку и сладко пощекотал ее щеку.

Ляля потянулась и заулыбалась. «Как чудесно!» – подумала она. Но тут вдруг вспомнила о Холодоше и усовестилась: как же она могла забыть о своем спасителе и радоваться счастьем. Где же он теперь?

Она оглянулась. Это была ее спальня с куклами и цветами в кадках. В комнате никого не было. Лишь кошка на окошке мурлыкнула, посмотрела вяло на Лялю и, спрыгнув на пол, подкралась к двери. Приоткрыла ее мордочкой и вышла вон. Из-за двери слышались голоса людей.

Медленно ступая по полу неверными слабыми ножками, Ляля подошла ближе. В горнице она увидела большого толстого господина, говорившего басом:

– Кризис миновал, сударыня.

– На все воля божия. Молиться надо, – услышала она голос стоящего рядом попа в рясе. Хромой походкой он подошел к красному углу. – Дай, бог, к праздничку выздороветь. Год нынешний масленица-то поздняя.

Поп продолжал молиться, но Ляля уже не обращала на него внимания. Ее взгляд был прикован к двум женским фигурам в середине комнаты. Одна из них была Лялина воспитательница, в очках и с очень печальным лицом, каким девочка его никогда не помнила. А в другой женщине она узнала свою маму, в шали, со стаканом воды в руке. Та стояла спиной и что-то говорила мадам.

Ляле жутко захотелось крикнуть что есть мочи «Мама, мамочка!» и кинуться ей в объятия. Но силы покинули ее, и лишь невнятный вздох вышел из ее уст. Ляля, обессиленная, тихо упала на пол.

– Ке с ке се? Мон шер Ляля! – услышала она восклицания няни и звон разбитого стакана.

Ляля была спасена, болезнь отступила. Однако девочка была еще слишком слаба и нуждалась в долгом покое. Строгий доктор разрешил ей выйти на свежий воздух, но только на короткое время и не раньше, чем через несколько дней, как раз на масленичные гулянья. Отец Петр пообещал отслужить службу в ее здравие.

И все же Ляля оставалась грустной. Тихая печаль не сходила с ее бледного неулыбчивого лица, и все приписывали это остаткам перенесенного недуга. Она же целыми днями только и думала, что о Холодоше, не зная, как разыскать его и у кого бы спросить о нем.

Наступил чистый четверг. Ляля, сидя у окна, тоскливо разглядывала грязь на разъезженной по-весеннему дороге.

Как вдруг с улицы до нее донесся веселый ледяной звон. Она невольно вздрогнула, дрожь пробежала у нее по спине. Глядь в окно, а там праздник: телеги катят потешным поездом, бубенчики звенят-заливаются. На первой телеге колесо, лентами разукрашенное, на шест насаженное. Вокруг девицы молодые сидят, по-праздничному разодетые, веселые, песни поют, народ забавляют, масленицу встречают:

Дорогая наша гостья масленица
Авдотья Игнатъевна. Дуня белая,
Дуня румяная,
Коса длинная, трехаршинная,
Лента алая, двуполтинная.
И звонкий смех по всей улице.

Вот уж ряженный поезд из виду скрылся, а народ все галдит и радуется. И только маленькой Ляле не до веселья. Сердце девочки наполнено грустью, а глаза жгут горькие слезы. Видно, не для нее нынче праздник.

Вот пришло прощенное воскресенье – самый шумный день гуляний. С утра по всему селу звонили колокола, разливали приветственный звон по дворам и закоулкам, сзывая жителей собраться на торжество.

Народ ряженный, с песнями и прибаутками, с балалайками и гармошками, пеший и на лошадях, торопился на призывный звон, на широкую площадь перед церковью. И не только из Романова, изо всех окрестных деревень всего уезда сте-

кались сюда толпы. Всем хотелось поучаствовать в большом празднике. И шумно, и людно, и весело было тут, и яблоку негде было упасть. Среди ряженных хромою походкою ходил отец Петр, благословляя мирскую радость. А по всей площади – шатры, балаганы, карусели. Всюду поют, играют, пляшут. Эх, веселье да и только!

По рядам ходят коробейники со всякой снедью: тут и сбитни медовые, и пряники печатные, и калачи ароматные. А более всего на масленице-обжирухе блинов – у каждой лавочки, на каждом лотке. Блины с маслом, блины со сметаной, блины с вареньем. И с икрой, и с селедкой, и с грибами, и просто так блины. Все, как один, горячие, круглые, румяные, словно красно солнышко, что светит на приветливом мартовском небе, землю пригревает, весну призывает.

Ей-то, весне, и радуется народ, ее-то, родимую, встречает, а зиму холодную провожает.

Ой ли, ой люли,
Уходи, зима, уходи...
Здравствуй, масленица,
Здравствуй, радость-весна.
Ой ли, ой люли...

Возле красного шатра, там, где цыганка карты кидала – судьбу предсказывала, народу было меньше всего. Лишь одна никем не замеченная бледненькая девочка с высокой худой женщиной в очках без дела стояли там, будто в ожидании

чего-то. Девочка равнодушно возила ножкой в луже и испачкала сапожок. Дама, глядя на нее, лишь вздыхала:

– Бедный, бедный девочк...

Малышку не завлекали ни веселые карусели, ни шумные хороводы, ни кулачные бои, ни балаганные представления. И блинов ей не хотелось. И ничего ей совсем не хотелось. Ей было грустно и одиноко на этом веселье.

Эта девочка была Ляля со своей няней. Мадам теперь ее все время жалела, ни за что не ругала и все терзалась в раздумьях, как утешить несчастную воспитанницу.

– Вотрэ, вотрэ, Ляля! Посмотритэ, барышня...

Глаза женщины блестели сквозь очки небывалым восторгом. Она неотрывно глядела на большую толпу людей, собравшихся в самой середине площади вокруг высокого столба.

На столбе, повязанном разноцветными лентами, на самом верху висела пара замечательных красных сапог, да не каких-нибудь, а сафьяновых – мечта любого романовского парня.

И кто только не карабкался по длинному гладкому шесту. Ни один не достигал заветного подарка, и каждый неизбежно сползал вниз под громкий хохот публики.

– Вотрэ, вотрэ! – не унималась няня и показывала на толпу.

Но Ляля уже и сама видела, как в гуще народа маленький мальчишка в легком кафтанчике уверенно пробирается

к столбу.

Кто он такой и откуда взялся, никто из собравшихся не знал. Все лишь с интересом наблюдали за смельчаком и подбадривали его веселым улюлюканьем. А мальчишка, обедев зевак лукавым взглядом, звонко засмеялся и, легко подпрыгнув, взлетел на самый верх. Одно мгновение, и пара сапог покинула шест, и ликующая толпа понесла победителя на руках.

Ляля, взволнованная, побежала следом, не разбирая дороги, проваливаясь в лужи, натыкаясь на гуляк и сбивая с лотков товар. Мадам еле поспевала за ней.

Однако маленького мальчика быстро засосало людское море, и он скрылся из вида. Лишь знакомый звонкий смех доносился до слуха девочки из шумного потока голосов. Ляля растерянно глядела по сторонам, но ничего не видела, кроме сумасшедшего мелькания человеческих лиц. А потом все слилось в огромный праздничный хоровод. У Ляли закружилась голова, она чуть не лишилась чувств. Как вдруг совсем рядом она услышала все тот же добрый залиvistый смех. Ляля обернулась: в середине хоровода стоял Холодоша и хлопал в ладоши. А рядом с ним возвышалось огромное соломенное чучело, в лаптях, в тулупе, в кушаке. Кто-то сунул в руки Холодоше горящую головню. Он поднес ее к масленичной кукле, и та вспыхнула ярким пламенем. Холодоша засмеялся еще сильнее, щеки его зарумянились, и он подхватил вместе со всеми веселую песню:

Гори, гори, масленица,
Здравствуй, весна красная!

Ляля верила и не верила в происходящее. Неужели же это был тот самый Холодоша, которого она когда-то знала. Она с трудом пыталась протиснуться сквозь плотный людской поток, но ей не хватало сил. Она хотела перекричать ликующую толпу, но ее слабый голос тонул в радостном хохоте праздничного гулянья.

«Зачем этот праздник? Чему они все радуются?» – спрашивала себя Ляля, и слезы наворачивались у нее на глаза.

– Не плачь! – услышала она за спиной и, почувствовав у себя на плече чью-то руку, оглянулась.

Сзади стоял он, Холодоша, так же заодно улыбаясь и даря ей добрый взгляд. Только вот глаза у него были совсем другие – не прозрачные, светлые, а темные, глубокие, и щеки у него были румяные, и руки теплые, как у нее.

– А ты... ты больше не исчезнешь? – робко спросила она.

– Нет! – звонко ответил он.

– Никогда... Даже весной?

– И даже летом! – Холодоша продолжал улыбаться. – На, возьми. А то твои-то совсем промокли.

И он протянул ей пару новых красных сапожек. Ляля тоже заулыбалась.

– Короший малчик... Короший праздник...

Оба обернулись. Это стояла мадам Журит и радостно смотрела на Лялю и Холодошу.

Тут послышался звон бубенцов, и на площадь въехала высокая карета со стеклянными окошками и позолоченными ручками. Важный кучер гордо восседал на козлах и правил резвой тройкой. Карета остановилась, и оттуда вышли мама и отец Ляли. Толпа расступилась.

– Лялечка, как я рада, что ты такая веселая, – со счастливой улыбкой проговорила мама. – Поехали же домой.

Но девочка не двигалась с места, продолжая стоять возле Холодоши, крепко держа его за руку. На помощь подросла няня.

– О, мадам Романов! Си ву пле... Это есть... как это... это будет... названный брат нашей мадмуазель Ляля... Это есть Хо-ло-до-ша, – с трудом проговорила француженка.

Родители переглянулись и заулыбались друг другу.

– Ну что ж, пусть будет Лялиным братом, – сказал отец. – Ей теперь не будет так грустно.

Карета, запряженная тройкой с бубенцами, поехала по широкой дороге, а вслед за ней бежала толпа мальчишек и девчонок во главе с неудержимым Ванькой. И долго еще слышался разнозвон ребячьих голосов:

– Прощай, Холодоша!

– Прощай, Ляля!

– Прощай, масленица!

Кораблик «Смелый»

Ванька Крошев жил в большом и шумном дворе на улице Заречная. С утра до вечера воздух здесь наполнялся неугомонным звоном детских голосов, плачем обиженных малышей, визгами обеспокоенных мам, бурчанием вездесущих старушек, свистом больших и крепких парней, криками подвыпивших мужичков, шепотом влюбленных в тенистых уголках, ревом заезжающих машин и еще бог знает какими звуками. Не было только слышно плеска волн. Еще бы! Хотя улица и называлась Заречной, но до самой реки Виляйки было целых два квартала. А маленькому Ваньке бегать до нее одному или даже с другими мальчишками строго-настрога запрещалось.

И, конечно, ему с трудом удавалось уживаться с такой несправедливостью. Ведь Ваньке было уже не много и не мало, а целых семь лет. Ну, если быть точным, то шесть с половиной. Да и половинка должна была стукнуть только осенью. Но об этом он предпочитал умалчивать, считая себе вполне взрослым и самостоятельным человеком.

– Эй, шкет, посторонись. Не видишь, машине дорога нужна? – грозный дядька огромного роста с черными густыми усищами и с самым серьезным видом оторвал малыша от его мыслей.

Ванька даже вздрогнул. Оглянувшись, он увидел за спи-

ной сурового незнакомца нетерпеливо рычащий самосвал. Водитель, вероятно, вышел из машины, чтобы поинтересоваться дорогой, а тут еще и некстати болтающийся под ногами мальчишка.

– Это куда тебя, ирода такого, несет? Тут тебе не стройка, а площадка для ребятишек, – запричитала писклявым голосом маленькая шустрая старушка – местная дворничиха баба Шура и на всякий случай пригрозила усатому верзиле метлой.

– Зря шумишь, мамаша, – пробасил тот. – Видишь, песок везу?

– Вижу, что песок. И куды ты его везешь-то?

– В корабль, куда же еще. Так мне было велено.

– Это кем велено? Это зачем велено? – не унималась старушка.

И то правда, – вступилась соседка тетя Люба, держа за руки сразу троих ребят и коляску с младенцем. – Детям и так играть негде. Площадка маленькая, а ребятни вон сколько. Развернуться негде.

– А куда ж мне песок-то девать? У меня и разнорядка... – вновь прогремел дядька, но спорить уже не стал.

– Да в песочницу его.

– Какого лешего? Песку там нет, что ли?

– Да старый тот песок и камни одни. Хорошо бы свеженького.

Сказано-сделано. Шофер только развел рукам и, сев в ма-

шину, с диким ревом высыпал целую гору песка в песочницу. А баба Шура, заглушаемая шумом двигателя, все причитала и заметала следы разлетевшейся пыли.

Маленьким девочкам, игравшим в это время во дворе, такое зрелище тоже пришлось не по душе, а грохот машины только напугал их. И они с визгом убежали прочь. Зато все местные мальчишки, напротив, тотчас бросили свою игрушку в войнушку и с уважительным восторгом обступили грохочущую пыльную громадину. Лишь маленькому Ваньке не досталось места в их рядах. Ребята были старше и больше его и упорно двигали локтями, чтобы не упустить счастливый момент.

Еще бы, не каждый день такое увидишь. Как жаль, что Ванька остался в стороне от великого события. От обиды он зашмыгал носом, и только заметил, как водитель, дергая рычаги на грузовике, дал рыжему мальчишке Петьке подержать свои промасленные рабочие рукавицы. А тот с важным видом, будто ему вручили орден, держал их на глазах всех ребят, горящих нескрываемой завистью.

Ну, конечно, Ванюшке не повезло. Так всегда случалось в его непростой мальчишеской жизни.

Вот даже этот чужой дядька-шофер назвал малыша шкетом. Да, Ванька был не по годам мал ростом. И как не пытался вытягивать шею и подниматься на цыпочках в обществе взрослых ребят, все равно получал от них насмешки и обидное прозвище Крош. Да, фамилия у Ваньки была до обид-

ного подходящей к его незавидному росту. Но ведь он же не был виноват! Никто ровным счетом не хотел понять, что творилось в душе этого маленького светловолосого, как одуванчик, и круглолицего, как солнышко, мальчишки с яркими золотыми веснушками на щеках. А когда ты такой маленький и беззащитный, как цыпленок, весь мир вокруг тебя кажется огромным и страшным. И бедному Крошу так много приходилось бояться, но он всегда старался не подавать виду и мужественно преодолевал страхи, насмешки и оскорбления.

Дворовые мальчишки уже давно возобновили прерванные на время военные действия и теперь отчаянно сражались друг с другом на клинках, вернее, на палках, вырванных из забора у заброшенного гаража. Девчонки с новой прытью лепили в огромной песочнице куличи и кексы, чтобы накормить своих кукол. Малыши с плачем вырывались из рук мам и с воплями уговаривали их не уводить со двора на обед и тихий час.

А Ванька-Крош все стоял в немой растерянности, не зная, куда запрятать свою обиду и что делать дальше. Вдруг резкий громкий свист заставил его оторваться от своих мыслей.

– Эй, Крош, дуй к нам. Подмога во как нужна, – крикнул один из вояк огромной кучи разыгравшихся мальчишек.

У Ваньки сердце заколотилось от волнения. Вот здорово! Ведь к нему обратились за помощью ребята, гораздо старше его.

– Вот еще! – тут же услышал он недовольный голос толстого неповоротливого пацана Тольки с огромными пухлыми ручищами и крупным мясистым лицом, отмеченным презрительной улыбкой. – Нужен больно этот малявка.

От этих слов Крошу стало и больно, и горько.

– Сам ты! – вспыхнул он и сжал свои маленькие кулачки.

Он хотел сказать еще что-то гневное и решительное своему обидчику, но голос первого мальчишки опередил его:

– Какой-никакой, а подкрепление. А...

Но подкрепления не последовало. Сильные удары тяжелых Толькиных кулаков в то же мгновение с неистовой злобой посыпались на голову маленького Кроша. Он был отброшен на траву, словно картонка, и защищаться ему даже не пришлось. Он готов был вскочить, напасть на верзилу и биться до конца. Но этому желанию не суждено было осуществиться. Требовательный материн голос, последовавший тут же, заставил его отказаться от всех боевых намерений.

– Вот где ты, горе мое! Битый час тебя ищу. Щи остыли совсем. И отца проводить давно пора. Совсем забыл, что ли? Марш домой!

Приказ, не менее суровый, чем генеральский, прозвучал, как приговор, и не предполагал никаких уступок.

Ванька повесил нос, подтянул спустившийся носок, бросил последний взгляд на толпу разгоряченных бойцов, для убедительности шмыгнул носом и угрюмо поплелся с поля боя с видом побежденного. Попрощавшись с папкой, уезжав-

шим в далекую командировку, Крош принялся вяло орудовать ложкой. Есть ему не хотелось, зато самым серьезным образом нужно было узнать, чем же закончится боевая схватка.

Но наступивший новый день не принес ему никаких объяснений. Крош вышел из дома, когда солнце уже играло веселым полдневым светом. Он поспешил во двор и вскоре увидел у старого гаража вчерашнего мальчишку, звавшего его на войну. Как кстати, ведь он наверняка сможет рассказать младшему приятелю все новости с полей сражения. Но тот, как видно, вовсе не собирался рассекречивать военные тайны и с самым важным видом сплюнул и гордо отвернулся.

А Ванька, ничуть не обидевшись, заметил на его лице лиловый фингал, след вчерашней драки, и сочувственно вздохнул. Ему очень хотелось сказать, что узнал его, что это тот самый Славка по кличке Свист, который умеет громче всех во дворе свистеть. И что у него есть старший брат, настоящий моряк, который ходит в плаванье по настоящим морям. Но Славка, вероятно, тая досаду на Ванькино дезертирство, вовсе не желал замечать его.

– Ну и что, – невозмутимо заявил Крош, все еще надеясь на благосклонность несговорчивого приятеля, – зато мне папка знаешь что привезет из этой... как ее... командирки?

– Командировки, что ли?

– Во, во, из нее.

Но дальше разговор не пошел. Крош замялся, не зная,

что сказать. Дело в том, что отец, уезжая, вовсе ничего ему не обещал, а велел слушаться мать и не обижать младшую сестренку Анютку.

– Ну и что, – первым прервал молчание Славка и презрительно просиял лиловым фингалом. – А мне, между прочим, братан обещал подарить насовсем бескозырку, настоящую, флотскую.

Это тоже была неправда. Славкин брат, приехавший на побывку домой, разрешил лишь пару раз ему примерить ее перед зеркалом и строго-настрого запретил лапать и тем более таскать на улицу ко всякой шпане.

Но Ванька поверил ему, и у него загорелись глаза. «Как бы только уговорить его хоть ненадолго дать поносить эту самую бескозырку», – подумал он и вспомнил, как всего несколько дней назад через весь двор бодро шагал широко-ми шагами высокий статный моряк в полосатой тельняшке и развевающимися на ветру ленточками фуражки. А рядом, как верный пес, бежал, подпрыгивая, Славка с гордо сияющим лицом на глазах у всех ребят.

«Эх, – подумал Крош, – был бы и у меня такой брат. А еще лучше, чтобы я сам был моряком».

От этих раздумий ему стало совсем грустно. Ведь Ванька уже давным-давно мечтал хоть краешком глаза увидеть море, послушать плеск волн, попробовать на язык соленый вкус воды.

«Вот так вот жизнь пройдет, а я так и не увижу моря», –

Ванька опять погрузился в размышленья. Даже маленький Валька Коваленко из младшей группы его детсадика и то собирался с родителями поехать на море на все лето. А как обидно, ведь Валька моложе его аж на целый год. Да еще и имя у него дурацкое, девчоночье – Валька. Есть над чем посмеяться. Правда, он выше Кроша и некоторых своих сверстников-пятилеток.

– Что это я о Вальке все думаю и думаю? Так и голова развалиться может, – бубнил Крош, бесцельно слоняясь по двору в поисках каких-нибудь развлечений. Тут-то он и повстречал своего младшего приятеля. А встретив, не узнал.

Дело в том, что и на долю счастливчика Вальки выпала крупная неприятность. Он, как назло, перед самым отъездом на юг умудрился подхватить где-то противную болезнь – ветрянку. И потому был вынужден просидеть целых десять дней дома без моря, двора, друзей.

Когда же наконец пришло время выпустить его, он, весь похудевший, побледневший, перепачканный зеленкой, показался на детской площадке возле собственного дома на Заречной улице. Он сидел на корточках в большой грязной луже, точнее вязкой каше, оставшейся после долгих засушливых знойных дней, и лупил по ней длинной облезлой палкой. За этим-то занятием и застал его Ванька.

Крош встал, как вкопанный, и на всякий случай протер глаза. Валька или не Валька? А почему весь зеленый? А почему не уехал на море?

– Валька... – наконец выговорил он. – А почему ты здесь?

А не...

– А потому что заболел, не видишь, что ли?

– А почему ты не в больнице?

– Еще чего! Мне и дома-то не сиделось.

– А почему ты в зеленке?

– Почему, почему? По кочану. Ветрянка у меня. Да уж скоро все облезет. А ты-то сам почему не в саду?

Крош приосанился.

– Чего это я там забыл? Я теперь свободный человек. Папка в командировке, мамка на смене, а Анька у бабы Егоровны, соседки нашей. А садик наш закрытый вовсе. Не насовсем, а так... на карка... крака.. картин какой-то. Мальчик один заболел и... Послушай, а ведь ты и есть тот самый мальчик... Ну, который заразный.

Валька лишь шмыгнул носом в ответ и обреченно опустил голову. Он принялся снова ковырять грязной палкой взбаламученную жижу, пытаясь поднять бурю. Маленький бумажный кораблик посреди нехитрого водоема был обречен. Вот-вот должно случиться кораблекрушение...

– Эй, ты, зеленый горошек! Чего воду мутишь? – грубый раздраженный голос заставил Вальку вздрогнуть. Крош тоже вздрогнул с ним за компанию. – Тут и без тебя все лужи пересохли, а ты последнюю разбазариваешь. Чем теперь пожар по-твоему тушить?

Оба малыша с испугом и любопытством уставились

на знакомую толстую фигуру Тольки. Он стоял с пустой бутылкой в руке и тыкал пальцем в сторону помойки. Там полыхал ярким пламенем мусор, который сам же Толька поджег из озорства. Но боясь быть изобличенным, решил тут же погасить разыгравшееся на жаре не на шутку пламя.

Валька в упор глядел на него и на его бутылку и думал, ударит или пожалеет. Но, не дожидаясь финала, начал медленно, но уверенно пятиться назад и благоразумно зашел за спину товарища, который стоял окаменелый и тоже пристально следил за каждым движением Тольки-драчуна.

А тот, наклонившись, будто набрать воды, вдруг резко выпрямился и замахнулся на перепуганных малышей бутылкой, точно боевой гранатой.

– Ха-ха-ха! – загоготал он во всю глотку и получил в ответ порцию грязи, которая мелкой дробью соскочила с конца Валькиной палки-ковырялки.

А малыш продолжал отчаянно бить по луже и размахивать еще и еще своим незатейливым оружием, пока перекошенное от ярости и перепачканное грязью лицо налетчика стало выглядеть не краше, чем у Вальки.

И оба маленьких приятеля дружно засмеялись. И напрасно. Толькин гнев достиг таких размеров, что дело грозило кончиться самым печальным образом. Но тут случилась другая беда. Она пришла из глубины двора вместе противным дядькой по имени Митяй. Он был бывшим водопроводчиком, и его боялись и недолюбливали все ребята во дворе

за его вредный характер и за его придирки ко всем людям без исключения.

– Так вот кто у меня весь забор растащил! – прохрипел он. – Я вам сейчас покажу...

Ребята не стали смотреть, что он им покажет, и смело бросились наутек. Но в то же время были остановлены бабой Егоровной, вышедшей на прогулку во двор с маленькой Ванькиной сестренкой Анюткой.

– Ты чего разбушевался, старый хрыч? – запричитала старушка. – Почто к ребятам пристаешь? Мало ли палок во дворе? А забор твой, что ли? Одно название. И в гараже твоем одна срамота – ржавый мотоцикл. Его у тебя никто за копейку не возьмет.

– Это кто хрыч? Это кто ржавый? Это кто не купит?

Мальчишки, забыв о собственном раздоре, с интересом наблюдали за стычкой двух взрослых людей – бесстрашной старушки и необузданного свирепого деда. Одна только маленькая Анютка ничего не могла понять из этого шума и тихо хныкала за спиной старшего брата, страшно перепуганная.

Так она делала всегда, когда ей было страшно. А страхов всегда хватало в ее маленькой детской жизни. Так, она ужасно боялась соседского щенка Марсика. И хотя он ростом был не больше кошки и тявкал визгливым голоском, Анютка каждый раз начинала громко реветь, будто на нее напал медведь или волк.

Еще она страшилась темноты и ложилась спать только с горящей лампочкой. Пронзительно пищала Анютка при реве мотоциклов и близко проезжающих грузовиков. Невозможно было успокоить ее и во время грозы. Раскаты грома наводили на нее ужас.

А грубые мужские голоса. Их почему-то маленькая девочка не любила особенным образом. И уж настоящим кошмаром для нее были недовольные крики деда Митяя.

У него были огромные страшные усы, которые шевелились, как лохматые уши Марсика, и рычал он не хуже мотора мотоцикла. А однажды старик был в сильном гневе и ревел на всю округу, угрожая оторвать руки неведомым вредителям. Дело в том, что кто-то из баловства, а может, и случайно, сорвал вентиль с уличной колонки, и тогда затопило полдвора. И он с трудом устранил течь.

И сейчас Анютка по своей привычке сразу же пронзительно завyla и побежала жаловаться Ваньке. А он взял сестренку за руку и повел качаться на качели, а по дороге стал рассказывать разные истории. Он так всегда делал, тем более был большим выдумщиком на разные игры и развлечения. И с ним она всегда успокаивалась. Нередко еще до наступления опасности она предупреждала старших ребят, что у нее есть брат-защитник, который в случае чего... Конечно, если бы он был какой-нибудь милиционер, важный большой начальник или хотя бы просто взрослый дядька с усами или даже без них, это выглядело бы настоящей угро-

зой. Но для маленькой девочки ее братишка казался намного старше и сильнее всех на свете и что может сделать для нее все, что угодно.

Правда, у Кроша было иное мнение на этот счет, но он предпочитал не делиться им с маленькой неразумной Анюткой. Да и играть с ней в куклы или другие девчоночьи игрушки да еще и в присутствии других ребят было для него крайне несолидно.

Хотя качели, надо признаться, Ванька, как и Анютка, очень любил, тем более что их не было ни в детском саду, ни в яслях. А во дворе их дома они были вечно заняты многочисленной детворой, как впрочем, и горка, и песочница, и даже старые перекошенные скамейки. А маленьким, как известно, все достается всегда в самую последнюю очередь.

Конечно, с наступлением сумерек двор пустел, и освободались сами собой многие интересные вещи, то тогда, как назло, непременно звучал строгий материн голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.